

Марк Золотаревский

ХРИСТИАНСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Издание исправленное

ISBN 978-965-599-462-9

© Все права принадлежат автору

2020, Израиль

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует несколько вариантов обращения человека к Богу, соответствующих нескольким возможным вариантам Его исповедания. Уточню на всякий случай, ибо слова не однозначны: речь идет о Том Самом Боге, Который сотворил небо и землю и т. д. В том числе – и нас с вами, пытающихся здесь уяснить для себя, что представляет собой христианское к Нему обращение.

В самом деле, как мы знаем из той же Библии, существует еще и иудейское к Нему обращение (и соответствующее иудейское же Его исповедание), завершающим актом которого стало заключение между Ним и Его избранными из всех остальных народов, сынами Израиля, клятвенного договора, состоявшегося у горы Синай. В отличие от христианского обращения, носящего личный характер, мы имеем здесь дело с коллективным обращением к Нему целого народа. Другое отличие состоит в том, что в этом случае достаточно было осознания его необходимости разумом принимавших участие в договоре потомков Израиля-Иакова, тогда как христианское обращение совершается обязательно еще и в сердце человека. Правильнее будет сказать, завершается клятвенным договором с Господом в его сердце. И в таком случае правильнее будет говорить о Завете, а не о Законе. Хотя и о завершающем акте иудейского обращения можно сказать как об имевшем место в сердце или на сердце. Имеются в виду в данном случае каменные скрижали, на которых был записан заключенный с Израилем Завет, ставшие отныне коллективным сердцем этого народа, с каким каждый иудей должен был отныне постоянно сверять свои чаяния и поступки (и это не всего лишь метафора).

В свою очередь, не то же самое упомянутое собственно иудейское обращение к Господу и то, что представляет собой (представляло, по крайней мере, до наступления эры благовествования) обращение к Нему пришельцев в доме Израиля. Начиная с того, что обетованный подлинных сынов Израиля такие обращенные уже не наследовали. Подобно тому, как и домоправитель Авраама, Елиезер из Дамаска не мог стать его наследником, но как сказал Аврааму (тогда еще Аврааму) Господь: «Тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником.» (Бытие, 15:14).

Очевидно отличный характер будет носить и предстоящее обращение к Нему уже один раз обращенных сынов Израиля – в связи с установлением обетованного им Давидова Царства. Для нас сейчас это может иметь разве что теоретический интерес.

Особый случай – обращение и служение язычников, не имеющих Закона, языческое исповедание живого Бога. В данном контексте этот вопрос мне также не представляется актуальным.

Кроме того, есть ведь у Господа еще и допускающая воля. Соответственно, должно существовать и такое к Нему обращение, при кото-

ром Он исповедуется именно в этой Его ипостаси. Вот показательный пример такого исповедания, взятый из Книги Чисел:

«И отправились сыны Израилевы, и остановились на равнинах Моава, при Иордане, против Иерихона.../ И весьма боялись Моавитяне народа сего... / ... Валак же, сын Сепфоров, был царем Моавитян в то время. / И послал он послов к Валааму, сыну Веорову, в Пефор, который на реке Евфрате, в земле сынов народа его, чтобы позвать его и сказать: вот народ вышел из Египта, и покрыл лице земли, и живет он подле меня. / Итак приди, прокляни мне народ сей, ибо он сильнее меня: может быть, я тогда буду в состоянии поразить его и выгнать его из земли... / И сказал Бог Валааму: не ходи с ними, не проклинай народа сего: ибо он благословен... / Валак послал еще князей, более и знаменитее тех... / И пришел Бог к Валааму ночью, и сказал ему: если люди сии пришли звать тебя, встань, пойди с ними; но только делай то, что Я буду говорить тебе. / Валаам встал поутру, оседлал ослицу свою и пошел с князьями Моавитскими. / И воспылал гнев Божий за то, что он пошел, и стал Ангел Господень на дороге, чтобы воспрепятствовать ему... / И сказал Валаам Ангелу Господню: согрешил я...; итак, если это неприятно в очах Твоих, то я возвращусь. / И сказал Ангел Господень Валааму: пойди с людьми сими, только говори то, что Я буду говорить тебе. И пошел Валаам с князьями Валаковыми.» (Числа, 22:12, 18-22, 34-35).

То есть, все-таки пошел, как и хотел того с самого начала, при явном, хотя и сдерживаемом пока еще негодовании Господа. Ибо какая-то видимость следования именно Его воле все-таки была соблюдена. Надо понимать, что означенная Его сдержанность стала следствием имевшейся возможности обращения проявленного Валаамом своеволия на пользу общего дела Господа и Израиля, о чем, собственно, и свидетельствуют последовавшие затем события. Однако чувствуете, по какой грани между исполнением и неисполнением этой Его воли прошел в данном случае Валаам? В дальнейшем, как мы знаем, он эту невидимую границу таки преступил, за что в конечном счете поплатился жизнью.

Другой показательный пример такого исповедания Господа – история последнего посещения Павлом Иерусалима. Напомню, он был заключен там в тюрьму, из которой, в отличие от имевших место ранее аналогичных заключений, более уже не вышел, надо полагать, не случайно. А ведь о неизбежности такого наказания в случае неуместного проявления настойчивости в этом его намерении, он был оповещен Святым Духом заранее, причем еще и неоднократно. Как и сам Павел говорил об этом: «Только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня.» (Деяния, 20:23). Но обратите внимание, запрета так и не последовало, как и в упомянутой истории с Валаамом. И так же можно сказать, что уступка проявленному Павлом своеволию со стороны Господа не была самоцелью. Мы далее к этому еще вернемся.

И, наконец, совсем уже крайний случай обращения и исповедания Господа, чрезвычайно, кстати, распространенный, когда Его так на-

зываемые последователи, нимало не смущаясь, предлагают Ему Самому согласовывать Свою волю с объявляемыми в слух Его своими сугубо мирскими намерениями. Например, пробить место в муниципальном садике для ребенка или сдать, наконец, экзамен на получение водительских прав, проваленный вот уже в четвертый раз (все с натуры!), и т. д. Попробуйте представить себе абсурд больший этого. Вместе с тем, дела эти как-то делаются, а значит, и на то есть Его воля. Но со стороны Бога это уже даже не допущение, но то, что именуется в Библии попущением. Как сказано об этом в Писании: «Который в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями, / Хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищу и веселием сердца наши.» (Деяния, 14:16-17). Это именно тот случай – свидетельство о Себе благодеяниями ходящим не Его путями, не более. Точнее, один из таких случаев.

Что еще следует принять во внимание. Новый Завет (как и Моисеев) на самом деле включает в себя несколько групп заповедей, или Заветов (имеющих статус Заветов), отличающихся своими адресатами. Так что каждому свое. Посланнику Божию из Иудеев не то, что обращенному из язычников (равно и из пришельцев); ангелам поместных церквей не то же самое, что и рядовым членам их собраний; мужчинам (мужам) не то же, что и их женам и т. д. Однако первая заповедь обращения в данном случае для всех одна (для всех, кому не заказано такое обращение): все, без исключения, должны обратиться от этого мира к горнему, от собиранья богатств на земле – к собиранью таковых на Небесах, от своего домостроительства – к Домостроительству Божию, от служения себе и своим близким и ближним – к служению Ему и только Ему. К тому же еще и каждый без исключения должен возненавидеть душу свою в мире сем (От Иоанна, 12:25). Или – или. Какой-то компромис здесь невозможен.

Ну а то, что мы не видим подлинно обращенных и исповедующих... Что ж, остается только констатировать удивительное однообразие священной истории в этом отношении. Как это было еще во времена Илии по его собственным впечатлениям: «Он сказал: возревновал я о Господе, Боге Саваофе; ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили жертвенники Твои, и пророков Твоих убили мечем; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее.» (3-я Царств, 19:14).

Поучительна, к слову, в интересующей нас тут связи реакция Господа на такое заявление Своего пророка. Вот эти непосредственно следующие за процитированным сейчас стихи: «И сказал ему Господь: пойдя обратно своею дорогой через пустыню в Дамаск; и когда придешь, то помажь Азаила в царя над Сириею, / А Ииуя, сына Намессиина, помажь в царя над Израилем; Елисея же, сына Сафатова, из Авел-Мехоты, помажь в пророка вместо себя.» (3-я Царств, 19:15-16). Короче, занимайся ты лучше своим служением и не твое дело подчитывать оставшихся верными Богу Израиля.

Собственно, осталось сказать несколько слов об адресате, предполагаемом здесь читателе. Скажу так. Книга эта обращена к младенцам

в библейском, конечно, значении этого понятия. По крайней мере – к готовым предстать перед миром в роли и качестве таких младенцев. Посмотрим, что в данном случае имеется в виду. Вот соответствующее пояснение из Писаний: «Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам.» (От Матф., 11:25). Итак, младенцы, кому Сын хочет открыть известную Ему волю Отца (см. От Матф., 11:27), – это, прежде всего, не мудрые и не разумные.

Очевидно, имеются в виду мудрость и разум, как они понимаются и почитаются в мире. Как говорит о причинах этого почитания царь Соломон в своих Притчах, сам почитаемый в этом мире за мудреца вот уже более двух с половиной тысячелетий: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум! / Потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота... / Долгоденствие в правой руке ее, а в левой у нее – богатство и слава.» (Притчи, 3:13-14, 16). Богатство, слава, долголетие – все тут, понятно, в мирском их понимании.

А вот характеристика избранников Бога-Сына, данная уже апостолом Павлом: «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; И незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее.» (1-е Коринф., 1:27-28). В дополнение к сказанному выше, как видим, избранники Господа характеризуются еще и как немощное мира, и незнатное мира, и униженное и ничего не значащее мира. Ну и, как правило, они еще и не отличаются долгоденствием в этом мире, стоит, наверное, уже добавить для полноты картины. Отсюда понятно, думаю, что Господь воспользовался образом младенца в данном случае имея в виду его статус, даже не в семье, а в обществе, где они (младенцы) и на самом деле не сильные, и не мудрые, и немощные, и т. д. К таковым же среди других народов Он посылает в первую очередь и Своих учеников. Однако в виду Он имеет людей все-таки взрослых и, вопреки, как будто, только что сказанному, все-таки мудрых.

Тут нет противоречия, ибо существует еще и другая мудрость, следующая из другого употребления присущего человеку разума – духа нашего, как он еще именуется в Писаниях, которая, притом что не способствует обретению благополучия в этом мире (скорее наоборот), вместе с тем дает возможность судить, что есть истина в различных истолкованиях Писаний. Я говорю сейчас о мудрости, имеющей своим источником, или началом любовь к Господу. Перефразируя Соломона, можно сказать, что в правой руке ее жизнь вечная в Его присутствии, а в левой – богатство и слава уже нетленные, которые могут быть обретены только на Небесах. Вот без такой мудрости подлинно стремящимся к исповеданию Господа, хотя бы задумывающимся о таком исповедании уже не обойтись. Они и составляют адресат книги, в ком видятся в первую очередь ее читатели. Прежде всего, конечно, из Елинов, но также – и Иудеев, тех из них, кому небезразличны судьбы исповедания их Бога. Остальным все это просто не может быть

интересным.

И последнее, предупреждение скорее, потенциальному читателю или читателям, которое, я полагаю, необходимо здесь сделать. Речь о тех из них, у кого могут возникнуть сомнения по поводу тех или иных сформулированных здесь утверждений или использованных логических построений. Так вот, не надо искать в этой книге, вообще в подобного рода литературе того, что в ней искать не следует. А не следует искать в подобного рода литературе истину. Для подлинно верующего человека стремящегося к подлинному Его исповеданию вся необходимая ему истина содержится в Библии, или Писаниях и только в них.

Я не говорю сейчас о знаниях в широком смысле этого слова, в отсутствие которых вообще не может быть поставлен вопрос о понимании Писаний, но именно об истине, которая должна составлять содержание исповедания живого Бога. И в этом смысле ни одна самая хорошая книга ничего к тому, что сказано уже в них, не может добавить, как и ни одна самая плохая – что-то отнять. Задача решаемая в них и с их помощью другая: отнюдь не сообщать истину, как кое-кто, в том числе и из их авторов себе представляет, но обращаться к ней. И данная книга в этом не исключение.

Имеется в виду следующее. Если тот или другой ее читатель в процессе ознакомления с изложенными здесь соображениями вновь и вновь задумается над теми или иными Библейскими эпизодами или отдельными стихами, попробует взглянуть на них с какой-то другой точки зрения, рассмотреть в какой-то другой связи, в какой ранее ему этого еще делать не приходилось, этого будет достаточно, я буду считать поставленную задачу выполненной. По крайней мере – проделанную работу небесполезной. И это уже вне зависимости от конечного согласия или несогласия такого читателя с теми или иными делаемыми здесь выводами и производимыми логическими манипуляциями. В конце концов, Павел признал обращенных им в Верии благомысленнее Фессалоникских именно на том основании, что «они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так.» (Деяния, 17:11). Вдумайтесь только: «с усердием ежедневно разбирая Писания...» Это притом, что благовествовал им – и, насколько можно понять, не было в том у них сомнения, – апостол Самого Христа. К исследованию Писаний неоднократно призывал и Иисус Своих слушателей и последователей: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне.» (От Иоанна, 5:39). Мне остается только к ним присоединиться.

ГЛАВА I

Итак, что такое христианское обращение? Из чего оно состоит? Что следует почитать в нем за существенное, а что можно отнести к

несущественному? Как оно совершается? Каковы обстоятельства, необходимо ему сопутствующие? Каково участие в этом самого человека и что представляется прерогативой Господа? Каковы последствия для человека состоявшегося уже его обращения (буде оно действительно состоялось)? Равно важно знать также и о последствиях, ожидающих этого же человека в случае, если его обращение не состоялось. Последствия по причине нежелания обращения? Последствия по причине неведения? Или же обращение все-таки имело место, но наш новообращенный в какой-то момент вновь вернулся к прежнему образу мыслей и жизни? Какие еще объективные и субъективные обстоятельства могут способствовать обращению или, наоборот, препятствовать ему? Круг этих вопросов, без сомнения, следует отнести к требующим первоочередного осмысления, коль скоро человек начинает задумываться о своем отношении к Господу и необходимости Его исповедания. С некоторыми из них мы попытаемся (попробуем) здесь разобраться.

Разумеется, есть целый ряд ответов на них, предлагаемых сложившимися течениями и направлениями в существующей церкви. Последние, однако, не могут быть приемлемыми, можно сказать, по определению – просто уже в силу того, к кому и чему на самом деле обращена сама эта церковь, что она в действительности собой представляет. Я имею в виду откровенно демонстрируемые ее представителями – вне зависимости от принадлежности к тому или иному направлению – чисто мирские предпочтения, чего бы это ни касалось. Равно это относится и к обсуждаемой здесь проблематике.

Но и в самом деле, при всех видимых различиях даваемых здесь ответов на поставленные вопросы, все они, так или иначе, исходят из посылки, что понятие христианского обращения не является чем-то принципиально новым в сравнении с тем, что привычно фигурирует под этим же именем в наших обычных земных отношениях. К примеру, Били Грем в своей книге «Мир с Богом» использует для определения этого понятия следующий ряд уподоблений: обращение продавца к покупателю, политического деятеля к своим избирателям, язычника к своим истуканам. Ряд этот, понятно, можно продолжить. Далее мы попробуем разобраться, в какой вообще мере определение собственно христианского обращения через подобного рода уподобления может считаться правомерным. Разумеется – параллельно с выяснением содержания этого понятия, как это предусмотрено идеей этой главы и книги в целом.

Начать с того, что во всех процитированных примерах очевидным образом не соблюден основной принцип такого рода уподоблений, а именно: нельзя в таких сравнениях сопоставлять целое части, или наоборот. Я имею в виду очевидное, выносимое, думаю, каждым из прочтения Библии представление, состоящее в том, что христианское обращение, в отличие от всего предложенного Гремом, отнюдь не является собой нечто самостоятельное целое. Другими словами, оно не может быть интерпретировано как изолированный акт взаимоотношений участвующих в нем сторон, которые совсем не обязательно встречались когда-то раньше и будут иметь какие-то отношения в будущем – то,

что сплошь и рядом имеет место в отношениях продавца с покупателем или политического деятеля с его избирателями и т. п.

Напротив, мы в нем имеем дело всего лишь с некоторой частью, более общего процесса этих взаимоотношений, определяемого как возвращение человека к Богу, Его исповеданию. Точнее – с первым шагом этого более общего процесса. Или, можно еще сказать – примирения человека со своим Господом, творения со своим Творцом. Стало быть, если и подыскивать для него аналог среди явлений окружающего нас мира, то не иначе, как, опять же, среди частей каких-то более общих имеющих место здесь процессов, какие могли бы быть интерпретированы в них (в этих процессах) в качестве их первого шага.

Важность учета данного обстоятельства следует из того известного факта, что в определении части – поскольку и если речь идет именно о части, т. е. явлении, обретающем смысл только в контексте чего-то более общего, определяемого как целое – необходимо должны учитываться так или иначе параметры соответствующего целого. Просто уже в силу самой логики определения понятий, относящихся к частям целого. Но христианское обращение как раз и представляет собой часть такого более общего целого – процесса возвращения к Богу, как уже было сказано – вне которого определение его, а значит и рассмотрение этого явления, теряет какой бы то ни было смысл.

Грем же, напротив, искусственно изолирует данный шаг от соответствующего ему названного целого и далее подыскивает для него столь же изолированный в миру аналог. И изолированный уже не искусственно, как это он проделывает с христианским обращением, а на самом деле. Так что сама собой как бы снимается постановка вопроса о какой бы то ни было предшествующей истории этих отношений. Как следствие – фактически проводимый в его книге курс на отождествление христианского исповедания с языческим, насколько уж он отдает себе в этом отчет. Язычество ведь, вообще говоря, не имеет дела с категорией возвращения.

Но и это еще не все. В самом деле, и в такой постановке вопроса чувствуется известная недосказанность, ибо понятно ведь, что о возвращении к Господу можно говорить лишь постольку, поскольку имело место отвращение, или отпадение от Него человека (первое отвращение, или отпадение, ибо возможно еще и второе, имеющее свои особенности), начало которому было положено известным его преступлением, совершенным когда-то в Едеме. Искомое обращение таким образом оказывается, в свою очередь, частью еще более общего процесса, включающего, наряду с возвращением к Господу, еще и предшествовавшее этому отвращение от Него человека и человечества. И в этом последнем целом оно выполняет функцию уже не первого шага (первым шагом оно продолжает оставаться лишь в части возвращения), но специфической середины, поворотного пункта этих двух последовательных и противоположно направленных составляющих его, этого целого, процессов. Данное обстоятельство также должно быть учтено при определении понятия христианского обращения. А равно – и при отождествлении подходящего для иллюстрации его процедуры аналога.

В частности, что для нас здесь представляет специальный интерес, это появляющаяся в таком случае возможность соотнести в каких-то отношениях искомый первый шаг на пути к возвращению человека к Господу с имевшим когда-то место – еще в Едеме – первым шагом в их отвращении. Что, безусловно, также будет способствовать решению стоящей перед нами задачи. Конечно, не следует при этом забывать, что означенные шаги в обоих случаях делаются в прямо противоположных направлениях. Так что если там, на святой земле, имело место отпадение от Господа, то здесь, на проклятой Им земле – обращение к Нему; если там – изгнание из Его присутствия, здесь – обретение этого присутствия, пусть пока только в надежде; там – через «благовестие» посланника дьявола, здесь – через благовестие посланников Его Сына; там – в браке, здесь – в безбрачии; там – в полноте власти над всею тварью, здесь – в безвластии, в полном отвращении от этой власти; там – в отсутствии знания добра и зла, здесь – во всеоружии этого знания; там проповедана была смерть, здесь – искупление к вечной жизни. Наконец, что я здесь хотел бы особенно отметить: если первый шаг в отвращении человека от Господа, в его отпадении был вынужденным, то его же первый шаг в возвращении к Нему – то, что обозначено здесь как христианское обращение – абсолютно свободен, т. е. целиком отдан Им на усмотрение самого человека.

А то, что человек был обречен на изгнание из присутствия Господа уже, можно сказать, в самом акте его творения, по-моему очевидно. Достаточно обратить внимание уже на то обстоятельство, тот знаменательный факт, что Адам с самого начала был предопределен к семейной жизни. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь.» (Бытие. 1:28). Формулировка более чем откровенная. Но тем самым он или они были прямо-таки запрограммированы на изгнание, как то следует уже из ответа Иисуса приступившим к Нему саддукеям: «Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах.» (От Матф. 22:30). Кстати, первое, что такие претенденты на пребывание в небесах должны сделать в своем обращении – это уйти из семьи. Не женящиеся и не выходящие замуж – вот, оказывается, каким должен быть подлинный венец творения, если говорить о человеке – те, кого в конечном счете Господь хочет видеть в Своем присутствии, ради кого, собственно (опять же, если говорить о человеке), вся эта канитель с творением имела место.

Само собой, все это должно присутствовать так или иначе в искомых здесь нами аналогах, или образах обращения, взятых из нашей обыденной жизни, дабы они могли претендовать на правомерность в качестве таких образов. До некоторой степени (далее мы уточним до какой) проиллюстрировать данную ситуацию можно на примере человека, покинувшего когда-то давно свой дом, эмигрировавшего в другую страну, осевшего там, обзаведшегося семьей и работой, друзьями и недругами и т. д. Но вот в какой-то момент он остро чувствует ложность этого своего нового положения, раскаивается в содеянном

опроектированном поступке, круто меняет все свои прежние жизненные планы и приоритеты и решается вернуться, оставив здесь все нажитое, вплоть до жены и детей, если они не готовы или не в состоянии разделить эти новые его настроения, с намерением восстановить прерванное родство.

Еще ближе к нашему случаю, если такое решение принимает человек, покинувший свой дом и страну, говоря языком Библии, еще в чреслах своих отцов, то есть, в одном из предшествующих поколений, сохранивших, однако, память об этом событии, а само возвращение продиктовано более идеологическими соображениями, нежели меркантильными. Идеальным, как будто, в этом плане представляется пример происходившего в недавнее относительно время «исхода» Евреев из стран рассеяния на их историческую родину. Я имею в виду главным образом времена Английского мандата и предшествовавшей Турецкой оккупации Палестины, когда немалому числу таких энтузиастов действительно пришлось оставить все, включая и семьи, и буквально, можно сказать, положить жизнь («быть распяту») во имя этой идеи.

А сейчас сделаем небольшое отступление, чтобы отметить один важнейший для понимания всей этой проблематики факт. Я имею в виду то очевидное, в общем, обстоятельство, что Господь-Отец оперирует почти исключительно категориями потомства (семени) и народов. И даже там, где Он вступает в отношения с отдельными людьми – царями и пророками – то, опять же, не иначе, как в связи и по поводу их семени и народов, возможностей и перспектив их актуального и потенциального существования. Начиная с Адама и Евы. Как сказано в Писаниях об их сотворении (частично уже цитированное): «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. / И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею.» (Бытие, 1:27-28).

Иисус, напротив, обращается к каждому из потомков этих наших прародителей исключительно персонально (к тем, к кому обращается), имея в виду уже его собственное будущее (равно, заметьте, и дьявол). Он Бог нашего персонального спасения, можно и так сказать. Соответственно, и в священной истории обнаруживают себя на самом деле два достаточно автономных ее субъекта, каковыми являются отдельные люди, с одной стороны, и с другой – состоящие из них народы. Отсюда и самих историй, с какими мы имеем дело в Библии, по существу, тоже две, обнаруживающие принципиальное различие в своем направлении, представляющем ту и другую ход событий.

Именно, в судьбах народов мы имеем дело все с большим и большим продолжающимся их отвращением от Господа (это равно относится и к Его избранному народу – Израилю, см. далее). Напротив, среди отдельных представителей этих народов таки имеют место примеры истинных обращения к Господу и Его исповедания, хотя и оказавшиеся доступными на протяжении всей предшествующей истории лишь немногим праведникам, какие могли бы составить тело истинной Его Церкви.

Но как бы ни было их мало, именно они делают нашу человеческую историю обратимой, в них залог надежды на то, что пришествие Его второе все-таки состоится и обетованное Царство будет установлено.

Итак, определенно на сегодняшний день мы можем утверждать, что христианское обращение – категория сугубо индивидуального исповедания. Соответственно и в Завет (Новый) с Господом каждый вступает сугубо индивидуально. Человек, осмыслив предшествующую историю творения как историю продолжающегося в целом отпадения человечества от Господа, совершает свое обращение к Нему, вместе с тем, в одиночку. И столь же в одиночку проделывает свой обратный путь – тот, который еще предстоит ему в продолжающейся его в мире жизни. И посредует ему в этом Христос – Бог нашего индивидуального спасения, как уже было сказано.

Отсюда, в частности, должно быть понятно, что присоединение к подлинной Его Церкви не может носить характер обычно принятого в миру членства со всеми неизбежными в таких случаях его атрибутами, будь то взносы или собрания, регистрация и так далее, как это практикуется равно и в существующей церкви. Я имею в виду то, что фигурирует и почитается тут под этим названием. Т. е. и в этом подлинное христианство совершенно не похоже на все то, что существует или можно представить себе в этом мире. Но праведники обретают единство между собой лишь в призываемом и исповедуемом ими Его Духе. О том, как должно выглядеть служение такого праведника в подобных обстоятельствах, мы будем говорить в следующих главах книги.

Понятно должно быть также, что такими праведниками на сегодняшний день могут быть только потомки наших первых прародителей по мужской линии, т. е. мужи, поскольку единственно им в их земной жизни, благодаря состоявшейся жертве Христа, была предоставлена возможность искупить свой грех – тот самый, Адамов, за который проклята тогда же была земля. Соответственно, только они и могут составлять на сегодняшний день искупленное тело Церкви. Подобно и народу Израиля (жене Бога-Отца), также состоящему из мужей и только из мужей – сыновей праотцев (прародителей) этого народа. И опять же, по аналогичной причине: поскольку процедура их коллективного искупления (есть и такое), охватывала только мужей (я не буду сейчас останавливаться на подробностях).

Этому в полной мере соответствует то обстоятельство, что изложенная в Писаниях священная история – безусловно, история мужей, идет ли речь об отдельных людях или же народах. Они же являются и единственными, можно сказать, адресатами Писаний. К женам здесь обращена, по существу, одна заповедь в самом их начале: «И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой.» (Бытие, 3:16). Все остальное, адресованное им далее – не более чем ее конкретизация применительно к разным ее (св. истории) периодам и обстоятельствам. У меня будет возможность сказать об этом еще несколько слов при обсуждении вопроса о женском служении.

Но вернемся уже к вопросу о возможном образе христианского обращения среди явлений окружающего нас мира, привычной нам нашей земной действительности. Хотя, что может быть в самом деле общего между такими двумя столь противоположными реальностями, как отношения в этом мире, где безраздельно господствует диавол (то, что именуется в Библии еще властью тьмы) и отношениями в предстоящем Небесном Царстве, даже если речь идет пока всего лишь об обращении от одного к другому? Но не будем спешить с выводами.

Итак, выше я назвал подходящим в качестве такого образа обращение находящихся в странах рассеяния Евреев к идее возвращения на их историческую родину, воплотившееся в конечном счете в столь впечатляющем по видимости результате, как образование и становление в продолжении последних десятилетий государства Израиль. Если бы не одно «но» и даже два. Во-первых, это все-таки возвращение (и обращение, соответственно) народа, пусть и в судьбах отдельных людей, а по-другому оно и не могло состояться. А во-вторых, что не менее существенно (если не более), такое возвращение представляется составной частью продолжающегося на самом деле удаления, или отвращения этого избранного Им народа от своего Господа. Не приближения, а именно удаления. Но и в самом деле, попробуйте представить себе что-нибудь более противоположное, чем обетованное Евреям царство под управлением Его помазанника и ныне существующий Израиль во главе с демократически избранными премьером и кнессетом?

Нам (мне), таким образом, не остается другого, как обратиться к Библии, к примеру приведенному Самим Иисусом и именно по этому же поводу – возвращения грешника к праведной жизни. Я имею в виду в данном случае знаменитую (пожалуй, самую знаменитую среди «людей улицы») Его притчу о блудном сыне. Нас, конечно, в первую очередь будет интересовать в ней момент обращения. Заодно я попробую прояснить на ее примере и еще ряд моментов этого очень не простого – и не только для начинающих – понятия. Напомню вначале, о чем тут речь:

«Еще сказал: у некоторого человека было два сына; / И сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. / По прошествии немногих дней, младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. / Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; / И пошел, и пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; / И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. / Пришед же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода! / Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и перед тобою, / И уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. / Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и побежав пал ему на шею и целовал его. / Сын же сказал

ему: отче! я согрешил против неба и перед тобою, и уже недостойн называться сыном твоим. / А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; / И приведите откормленного теленка и заколите: станем есть и веселиться, / Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться. / Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; / и призвав одного из слуг спросил: что это такое? / Он сказал ему: брат твой пришел и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. / Он осердился и не хотел войти. Отец же его вышел звал его. / Но он сказал в ответ отцу: вот, я сколько лет служу тебе и никогда не приступал приказания твоего; но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; / А когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. / Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое; / А о том надобно радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.» (От Луки, 15:11-32).

Вот такая история. Первое, что хотелось бы здесь отметить – сравнение ухода от отца и из родительского дома со смертью, а возвращения – с оживлением. Причем, сравнение это еще и дважды повторено, что в данном контексте, надо понимать, не случайно. Далее, стихи с 29 по 32-ой, по-моему, вполне могут послужить иллюстрацией сформулированного ранее тезиса о том значении, какое на Небесах придается обращению уже одного грешника, также, кстати, удостоенное повторения (см. От Луки, 15:7, 10).

Но главное для нас сейчас все-таки другое. Я имею в виду, что обратиться к своему отцу наш блудный сын мог ведь и не предпринимая обязательно изнурительного, судя по всему, и, вполне вероятно, даже опасного по тем временам в его положении путешествия, – а из своего далека, пусть хоть и скверно, но как-то обеспеченного и в этом обеспечении гарантированного. Что-то вроде: «папаша, пришли мне хотя бы немного денег, а то я здесь совсем оголодал и пообносился». Принятое повсеместно в существующей церкви употребление термина «обращение» вполне допускает, более того, провоцирует именно такое понимание ожидаемых и достаточных одновременно в его связи действий. Ну, разве что, «папаша» предполагается здесь с большой буквы. То есть, обращаются к Господу именно так, сидя у своих мисок и ожидая, что вот, в результате они наполнятся, наконец, столь вождеденными свиными рожками.

По-другому происходит возвращение нашего блудного сына. Именно, он не стал выпрашивать добавки, но оставил свою миску и это место, ушел из своего опостылевшего пристанища, ведомый лишь надеждой, не зная наверное, что обретет в результате и не потеряет ли при этом и то, что имеет. Ибо отец мог ведь и не простить. Сына, однако, не смогла остановить и такая возможная в его положении перспектива завершения его предприятия. За этим, понятно, уже не может стоять одно лишь чувство неутоленного голода, но необходимо еще и

известное осознание своей вины, а в самой решимости оставить все, несмотря на возможные последствия такого шага – определенное раскаяние. «Отче! я согрешил против неба и перед тобою» – это ведь полная Библейская формула совершенного преступления, уместная в этом контексте не иначе, как знак признания за собой вины, достойной самого сурового по тем временам со стороны отца наказания – проклятия. А потому: «и уже недостойн называться сыном твоим». Не оценить такого обращения (и возвращения) и не принять такого сына подлинно любящий отец уже, конечно, не мог.

Теперь, утерев слезу умиления, посмотрим, что здесь все-таки не так. Я имею в виду – в сравнении с тем, что должно и может только представлять собой искомое христианское обращение (и возвращение, скажем уже заодно) к Господу. В самом деле, если приглядеться внимательнее, легко обнаруживается, что и этот пример, при всей очевидной его предпочтительности и наглядности, все-таки не может считаться последовательно корректным в интересующем нас здесь отношении. Причем, некорректность в данном случае носит принципиальный характер, как, собственно, выше и предполагалось. Повторю еще раз: нет и не может быть примеров или образов (аналогов) в полном смысле, взятых из нашей обыденной жизни, представленных нашими обыденными, мирскими отношениями, как следует относиться к Богу и Его Новому Свидетельству. А использованный здесь пример именно такого рода, пусть и из Библии и приведенный Самим Иисусом.

Начать с того, что уже отвращение от отца и отчего дома носит здесь совершенно другой характер, с другими движущими мотивами и целями. Здесь именно сын отверг свой дом и отца и расставание его со всем этим было совершенно добровольным. Напротив, обращение его оказалось вынужденным ввиду резко изменившихся материальных обстоятельств и лишь в связи с невозможностью продолжения его прежней распутной жизни, ради которой, собственно, он и порвал в свое время со своим домом. С Адамом, как уже говорилось, все происходило иначе. Из Рая – дома Бога-Отца он был именно изгнан, и ни о какой добровольности речи тут быть не может. А вот возвращение – и обращение, соответственно – предполагаются добровольными и только добровольными. И, как видим, в противоположность тому, что происходит в притче, потомки Адама отнюдь не спешат воспользоваться предоставленной им тут возможностью.

Далее. Отсутствие благ, то обстоятельство, что мир сытых и благополучных от него отвернулся, пробудили в нашем блудном сыне чувство вины перед отцом. В искомом обращении напротив: чувство вины перед Богом-Отцом, так или иначе присутствующее в человеке, побуждает его в какой-то момент пренебречь не просто теми или другими благами этого мира, но миром в целом, во всех его проявлениях, включая, само собой, и все то, к чему так стремился наш блудный сын. И не побояться при этом его ответного отвержения – т.е. сделаться для него позорищем (см. 1-е Коринф., 4:9). Порядок и здесь, как видим, совершенно обратный.

Важнейшее проявление искомого отличия, кроме того, состоит в

том, что между желанным и не желанным для блудного сына с интересующей нас точки зрения нет принципиального различия. И задача, которую он всем сердцем желал бы разрешить, на что отныне готов был употребить все свои усилия – преодолеть, хотя бы отчасти, возникшее между ним и миром его прежней земной жизни отчуждение, не более того. Напротив, Царство Небесное не является той или другой стороной, или частью знакомого нам мира, так что и войти в него буквально так, отправившись в путь, как это делает наш сын, не представляется возможным. Невозможно это, кроме того, без искупительной жертвы, о чем в случае возвращения блудного сына вопрос и вовсе не ставился. А нет искупления, не может быть и надежды на подлинно новую жизнь. Налицо всего только прощение смертного отца, способное гарантировать лишь минимальное удовлетворение потребностей плоти, приведших, собственно, к нему сына, и на период, пока отец еще жив. Дальнейшее неведомо даже в этой жизни. О посмертной же судьбе здесь и вовсе не упоминается.

Далее, что не менее важно. Выше я говорил (мы говорили) о возможных трудностях, ожидавших блудного сына на предпринятом им пути и возможных подстерегавших его здесь опасностях, которых, однако, могло и не быть, в притче мы не находим об этом упоминания. Тогда как обращенному человеку в оставшейся ему на земле жизни все это гарантировано, чему мы находим в Евангелиях неоднократные предупреждения. И речь тут отнюдь уже не о банальном разбое, ибо что можно взять у того, кто все роздал нищим и, тем самым, по мирским понятиям стал беднее бедного? Но именно его будут подстерегать на дорогах и устраивать на него засады, как ни на какого другого путника. Только делать это будут уже совсем другие люди и руководствоваться они будут совсем другими мотивами. Достаточно вспомнить историю о сорока Иудеях, которые «сделали умысел и заклялись не есть и не пить, доколе не убьют Павла». (Деяния, 23:12). Или такой вот эпизод из жизни того же апостола, рассказанный им самим: «В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук». (2-е Коринф., 11:32). И это только два эпизода из многих подобных, какими богата биография апостола Павла, его земного пути.

А ведь обращенного к Богу человека подстерегает еще и другая опасность, если не еще более серьезная, здесь (в притче) вовсе не упомянутая, но о чем также есть неоднократные предупреждения в Писаниях. Я говорю сейчас о живущем в каждом из нас «ветхом человеке», о нашем «греховном теле» (см. К Римл., 6:6), нерасторжимыми узами связанном с миром, будучи его порождением. Павел именует его еще телом смерти (см. К Римл., 7:24). Истинно обращенный человек – объект непрекращающейся агрессии еще и с его стороны. Причем, от него еще и нет укрытия. И, стало быть, единственное остающееся решение вопроса – его преодоление: ежедневное, ежеминутное, постоянное. Любая уступка ему, проявление беспечности или слабости способно привести уже к духовной гибели нашего обращенного, а как следствие – лишение возможности продолжения жизни в присутствии

Отца Небесного. Напротив, блудному сыну могли угрожать лишь обычные в миру в таких случаях опасности (а могли и не угрожать) и решался тут вопрос всего лишь о преходящей жизни рядом с земным отцом. А «ветхий человек» – его естественный попутчик, в союзе и совете с которым проходят отмеренные ему на земле дни его жизни.

Следует еще отметить, что искомое обращение как и возвращение к Господу практически на всех его этапах представляется двусторонним процессом. Точнее, наверное, следует сказать, совместным. Отец находится постоянно рядом с обратившимся к Нему сыном (через Сына и Духа) с первого его шага, непрерывно поддерживает его Своим присутствием, поскольку и если обращение действительно состоялось. В частности, что совсем не мало, не попустит быть искушаемым сверх сил (см. 1-е Коринф., 10:13). Ну и, конечно – если наш обратившийся ни на минуту не изменяет этому принятому им решению даже в помыслах. За человеком остается в полной мере только принятие решения об обращении и покаяние – то, что называется еще очищением сердца. И опять, повторить что-то подобное об отношениях между блудным сыном и его земным отцом мы не можем. За отцом тут остается лишь выбор решения в самом конце всего этого предприятия – о принятии или непринятии сына.

Наш анализ образов обращения к Господу, какие мы в состоянии почерпнуть из опыта нашей земной жизни, был бы неполон без попытки рассмотреть под этим же углом зрения, хотя бы совсем коротко, историю исхода сынов Израилевых из Египта. Ситуация в чем-то аналогична рассмотренной нами в притче. Но и в самом деле. Также вначале, вдали от земли обетованной, сыновья эти обрели возможность сытого и безбедного существования. Также по истечении некоторого времени настали для них трудные дни, которые побудили их обратить взоры к Отцу, только в данном случае уже Небесному. Также был проделан ими неблизкий путь, пока они были приняты Отцом на обетованной им земле. Также на самом деле искали они земных благ и ими готовы были вполне удовлетвориться.

Новое, по сравнению с притчей, состоит в том, что здесь происходит возвращение именно к Отцу Небесному. Кроме того, Он самым непосредственным образом опекает Свой избранный народ на протяжении всего нелегкого пути его возвращения. Имеет здесь место и искупление, пусть и коллективное. В этих отношениях данный пример несравненно ближе к интересующему нас возвращению, чем история блудного сына, какой мы ее знаем из изложенной выше притчи. Ну и не забудем, мы имеем здесь дело с возвращением все-таки народа, а не отдельного человека.

Подводя итог, мы должны констатировать, что примеры из нашей обыденной жизни, в том числе и из Библии, если и могут быть использованы в роли образов интересующих нас здесь новых отношений с Господом, то лишь в каких-то отдельных моментах, если при этом еще и суметь закрыть глаза на все остальное. По большому же счету они более подходят для иллюстрации того, чем эти отношения с Господом не являются, не должны быть, на что они ни в коем случае

не должны быть похожи. Попутно, надеюсь, мы прояснили кое-что и в самом интересующем тут нас понятии обращения.

В заключение еще несколько фактов из истории рассматриваемой здесь группы отношений между человеком и Господом, чтобы было более понятно, о чем, собственно, идет речь. Начну с констатации того очевидного, в общем, положения вещей, что на самом деле примирение должно когда-нибудь состояться, ибо в противном случае не смогут исполниться планы Его Домостроительства, в связи и во исполнение которых, собственно, и имело место творение этого мира и этого человека. Как должно было в свое время состояться и отращение, отпадение первых людей от Господа, о чем уже говорилось. (Отдельный вопрос, зачем Ему это было надо.) Поручкой тому может считаться, в частности, положенный в Едеме на сердце человека Его Закон, или Завет (так называемый Едемов).

Правда, о самом этом Завете, составляющих его заповедях по большей части мы можем строить лишь предположения. Но в любом случае, это означает, что, как бы далеко ни удалился человек от ворот Рая, как бы ни был погружен в свои частные земные дела, стоит ему в какой-то момент остановиться и прислушаться к своему сердцу, оно обязательно напомнит ему о присутствии в мире Бога-Отца и о не искупленной его вине перед Ним. То есть, тогда уже, в момент первого отпадения Господь думал о примирении со Своим творением. В таком случае положенный Им на его сердце Завет можно рассматривать как сделанный Им же первый шаг на пути к этому примирению.

Он же делает и второй шаг в этом же направлении, произведя сначала от одного человека (Авраама) народ священников для всех остальных народов, а потом послав на крест еще и Своего Сына во искупление преступления прежде всего того первого человека, Адама, положившего своим проступком (пусть и невольным) начало всей этой катавасии. Обратите внимание, первоочередной объект беспокойства Господа в связи с Новым Заветом, не избранные Им Себе в удел Иудеи, а как раз остальные народы, ради которых семья Авраамово и было взято из их среды. Подобно тому, как ради двенадцати колен Израилевых были взяты из их среды Левиты. Дело, стало быть, теперь за самими этими народами, точнее - сынами этих народов, язычниками и пришельцами: принять или не принять на свой счет принесенную и предложенную им через Евангелие жертву, пройти - не пройти положенную им часть пути навстречу Господу.

И очевидно, повторю еще раз, возвращение к Нему человека, как и предваряющее его обращение в этих обстоятельствах мыслится не иначе, как добровольное, как результат осознанного выбора, акт свободного изъявления его воли. В противном случае не приходится говорить о восстановлении существовавшей в их прежней жизни, до разрыва их отношений гармонии. Я имею в виду период пребывания первых людей в Едеме, где их могло удерживать и удерживало, безусловно, лишь их собственное желание пребывать в Его присутствии, но отнюдь не Ангел с пламенным обращающимся мечем в руках.

Ангел с мечем появляется позднее, уже после изгнания из Рая, чтобы не допустить их возвращения, нежелательного в то время для Господа (см. Бытие, 3:24). В результате же состоявшегося пришествия Иисуса (состоявшихся Его жертвоприношения и воскресения с последующим вознесением в присутствии Отца), означенная дорога для сынов этих народов по сегодняшний день представляется открытой. Если не забывать, конечно, при всем том, что это все-таки дорога. То есть, движение по ней предполагает необходимым образом известные затраты времени и усилий. А также – соблюдение известных правил, следование которым представляется необходимым условием достижения заветной цели. Мы о них будем говорить в следующих главах книги.

ГЛАВА II

Выше речь шла главным образом о содержательных аспектах категории «христианское обращение». Сейчас пришло время более подробно поговорить о его процедуре или, что то же самое – об упомянутых выше его правилах. То есть – как это может и должно выглядеть в действии, в практическом их (его) исполнении. Философы говорят в таких случаях о форме, в какой может обнаружить, или явить нам себя содержание. Так или иначе, этим вновь на повестку дня в качестве первоочередной выдвигается проблема нахождения аналога, или образа такого обращения, способного вооружить верующих знанием необходимых им элементов истины, представленных в этот раз в наглядной форме. И теперь уже – среди состоявшихся обращений этого рода в мире, благо, такое уже имело здесь место. Для уяснения процедуры христианского обращения такая наглядность, понятно, как нельзя более кстати.

Но тут возникает другая проблема: необычайная редкость такого явления и противоречивость дошедших до нас о них свидетельств, между тем как претендентам на эту роль, что называется, нет числа. В результате, даже в тех редчайших случаях, когда искомое обращение все-таки и как будто имеет место, остается возможность впасть в заблуждение, о чем мы имеем неоднократные предупреждения в Евангелиях. Вот одно из таких предупреждений – из уст Самого Иисуса: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. / Вот Я наперед сказал вам.» (От Матф., 24:24-25). Как видим, Иисус не исключает возможность прельстить и избранных, буде они окажутся неспособными проявить необходимую в подобных обстоятельствах осторожность. Но попробуем.

Выше уже говорилось о заповеди христианского обращения, обнаруживающей его процедуру, на которой мы главным образом и сосредоточим свое внимание. Это заповедь «оставь все». Другими словами,

последовать за Христом, т. е. начать служение можно не раньше, чем будет оставлено все. Процедура эта достаточно обстоятельно оговорена в Евангелиях. Остановимся на этом по подробнее. Вот, например, как этот вопрос решается в отношении имущества. Перед нами эпизод призвания первых двух апостолов: «Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. / И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. / И они тотчас, оставивши свои сети, последовали за Ним.» (От Марка, 1:16-20).

Еще о том же в отношении родства: «А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. / Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовестуй Царствие Божие / Еще другой сказал: я пойду за Тобю, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими. / Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия.» (От Луки, 9:59-62).

Последний из процитированных стихов содержит важное уточнение. Именно, мало оставить все, важно еще и не оглядываться назад. Понятно, думаю, имеется в виду сердце человеческое. Человек не должен оглядываться прежде всего в своем сердце, в своих самых сокровенных помыслах. Смотреть отныне ему предстоит только вперед и думать только о том, что Божие. Не способный в полной мере к такому обращению, как сказано, «не благонадежен для Царствия Божия».

В этой связи существенный интерес представляет эпизод с несостоявшимся призванием одного богатого юноши. Вот как это выглядело согласно Евангелию: «И вот, некто подошед сказал Ему: Учитель Благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? / Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюдай заповеди. / Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; / Почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя. / Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? / Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. / Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.» (От Матф., 19: 16-22).

Обратите внимание: «все это сохранил я от юности моей». Другими словами, речь здесь идет о праведнике, тщательно соблюдающем заключенный с сынами Израилевыми через Моисея Завет. Стало быть, и упомянутое богатство дано было ему в награду Свыше, т. е. от Бога-Отца за проявленную ревность в служении – как, собственно, и следовало ожидать в таком случае в соответствии с данными его праотцам обетованиями. Так вот, даже от обретенных в результате такого служения, т. е. от праведно нажитых богатств следует освободиться для того, чтобы иметь возможность вступить в Новый

Завет с Господом, в соответствии с обетованиями которого награды Свыше отныне могут последовать только в Новом Царстве. И в любом случае, повторю еще раз, отрешиться следует от всего, что имеешь. И не просто раздать и уйти – это вторичное, но отрешиться прежде всего в своем сердце, очистив его от всех этого рода помыслов, удаляющих, безусловно, от Господа.

При всем том, заповедь эта не может послужить верующему в роли практического руководства в его обращении, поскольку тут не оговорена сфера необходимого, что, понятно, открывает самые широкие возможности для разного рода произвольных допущений. Но и в самом деле, что значит «оставь все», имея в виду, что мы пока все-таки продолжаем пребывать в прежнем теле и, значит, вынуждены так или иначе с этим считаться? Я говорю сейчас о потребностях плоти, которые надо ведь как-то удовлетворять ради того, чтобы могло продолжиться служение. А удовлетворены они могут быть не иначе, как опять же, в традиционных предметных отношениях – от этого некуда деться – с этим отвергаемым миром. А тогда где тот допустимый предел или минимум, который позволил бы, с одной стороны, все-таки продолжить свое пребывание в этом мире, а с другой – это не стало бы на самом деле преступлением названной заповеди?

Ответ мы находим в напутствии Иисуса Своим ученикам в их первом опыте посланнического служения: «И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, / Но обуваться в простую обувь и не носить двух одежд.» (От Марка, 6:8-9). Еще в отношении пропитания: «И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат.» (От Луки, 10:8). Речь, очевидно, и в данном случае может идти лишь о самой простой пище. То же, насколько можно понять, и в отношении проживания.

Важное дополнение к сказанному: претендующий на награды в будущем Царстве, должен быть готовым еще и сам позаботиться о себе. Как говорит об этом Павел, ни у кого, по его словам, не евший хлеба даром: «Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!» (1-е Коринф., 9:16).

Наконец, призывая оставить все Своих учеников, Иисус и Сам неукоснительно следует этому условию, являя тем самым еще и наглядный пример (образ) его исполнения. Именно, начав служение, Он первым делом ушел из дома, от родных и друзей, вообще всего прежнего Своего образа жизни, насколько это возможно и оправдано было Его служением. Вот как Он Сам говорит об этом: «Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову.» (От Луки, 9:58). И в другом месте, уже по поводу нового понимания родства: «И дали знать Ему: мать и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя. / Он сказал им в ответ: мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его.» (От Луки, 8:20-21).

И только исполнив до конца Свое служение, Он вновь находит возможным обратиться к матери, позаботиться о ней именно как о матери:

«При кресте Иисуса стояли мать Его, и сестра матери Его Мария Клеопова, и Мария Магдалина. / Иисус, увидев мать и ученика тут стоящего, которого любил, говорит матери Своей: жено! се, сын твой. / Потом говорит ученику: се, мать твоя! и с этого времени ученик сей взял ее к себе. / После того Иисус, зная, что уже все свершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду.» (От Иоанна, 19:25-28).

Итак, последовать за Христом можно лишь оставив все – все то, что не является необходимым для элементарного физического выживания решившегося на такой шаг верующего. Знание того, как именно должна исполняться эта заповедь, что тут является необходимым, а что не необходимым, настолько важно, что Иисус не нашел возможным перепоручить ученикам его передачу, но говорит об этом Сам, причем еще и неоднократно, а кроме того, еще и на Собственном примере демонстрирует ее исполнение. И предосторожность эта с Его стороны оказалась далеко не излишней, насколько мы можем судить, имея перед глазами последовавшие затем события.

Петра, например, приходилось буквально принуждать каждый раз покидать дом – неважно, свой или чужой – чтобы он мог приступить, наконец, к назначенному служению. Это равно относится и к известному пребыванию его в доме некоего Симона кожевника. С какой, кстати, целью он там отирался, как сказано, «довольно дней» (Деяния, 9:43)? Ведь ни слова о служении. Единственное, что в этой связи оказалось достойным упоминания, что его здесь, как будто, неплохо кормили. Потом, вместе с присланными за ним людьми, пошел в Кейсарию к сотнику Корнилию и опять гостил и «ел с ними» (Деяния, 11:3). Потом пошел в Иерусалим делиться впечатлениями с и вовсе безвылазно сидящими там другими апостолами, не в последнюю очередь, опять же, о том, где и что он ел. Между тем как «оставляли все» и шли благовествовать слово «по всему миру», основывали поместные церкви – в той же Антиохии, где впервые верующие в Него стали называться христианами – в общем, случайные в этом деле люди.

Заодно уже, поскольку зашла речь, стоит напомнить, что конфликт с Павлом у Петра тоже ведь имел место по поводу того, что и с кем он ел (см. К Галатам, 2:11-14). И в спущенном ему с неба сосуде в качестве знамения, опять же, фигурировала еда, тоже, надо понимать, не случайно. Петр, чувствуется, знал в этом толк, а и горазд поест был. Какое уже тут может быть «оставь все». То же остается повторить и о последовавшей ему церкви.

А сейчас об образе искомого обращения к Господу, какой являет нам в своем следовании Христу апостол Павел. Посмотрим как оно должно происходить, имея перед глазами этот данный нам Писаниями образ. Как и сам он об этом говорит: «подражайте мне, как я Христу» (1-е Коринф. 4:16).

Стоит обратить внимание: Павел призывает подражать именно ему, а не Петру и прочим апостолам. Последние не оправдали имевшихся в их отношении ожиданий. Достаточно уже упомянутого выше факта, что первые поместные церкви за пределами Иерусалима создавались

рассеявшимися в результате гонений членами Иерусалимской церкви в порядке, так сказать, частной инициативы, а не специально призванными к этому Его учениками во главе с Петром. Не менее красноречиво свидетельствует о том же и само последовавшее за этим призвание Павла и возложение именно на него обязанности апостольского служения среди язычников (см. Деяния, 22:21), ранее адресовавшейся Петру и другим бывшим с ним Его ученикам (см. От Матф., 28:19).

Павел, в свою очередь, не случайно говорит о своем подражании Христу, ибо Христос в служении Отцу, без сомнения, является Своим примером высший из возможных образов (то, что называется идеал) для подражания. В том числе – и в отношении обращения, элементы которого в Новом Служении Христа только что были подвергнуты обсуждению. Вместе с тем, поскольку и если речь заходит об образе и подражании, первый приходящий на ум пример – все-таки Павел, его служение (включая, само собой, и обращение в качестве его первого шага) при условии, конечно, четкого представления о том, в чем и до какой степени следует считать это служение (обращение) достойным такого подражания.

Можно назвать к тому две причины, по крайней мере. Прежде всего, непреходящая ценность примера Павла для всей последующей истории Христовой Церкви состоит в том, что в нем подтверждена сама возможность для человека подражать Христу – этому данному нам Самим Богом–Отцом Образу. Чего, напомним еще раз, ни один из ранее призванных апостолов оказался сделать не в состоянии. Мы в нем, все-таки, имеем дело со служением человека, потомка Адама, как и все мы, а не Бога, пусть и воплощенного. А когда нечто оказывается доступным одному из таких потомков, мы вправе говорить о доступности того же самого и другим людям. По крайней мере, есть основание на это надеяться.

Кроме того, в своем служении Павел впервые в известной священной истории является нам во всех подробностях его завершённую процедуру. Я имею в виду состоявшееся к этому времени воскресение и вознесение Христа и появившуюся в связи с этим возможность продемонстрировать нам ее, так сказать, в рутинном ее исполнении. А не так, как это было ранее – с разного рода невоспроизводимыми более существенными в тот момент подробностями (как, например, обращение распятого на кресте разбойника).

И еще одна открывающаяся перед подлинно верующими в этой связи возможность. Именно, имея перед глазами еще и служение Христа и памятуя о том, что Павел все-таки человек, они вправе поставить перед собой задачу не просто повторить его подвиг, но и превзойти в своем подражании уже непосредственно Самому Христу. Ибо доступное одному человеку не только может быть доступно другому или другим, но и превзойдено. И стремиться должно именно к этому. Как и он сам о том говорит: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить.» (1-е Коринф., 9:24).

Итак, посмотрим на примере Павла как все-таки должно выглядеть

христианское обращение к Господу, с учетом, понятно, высказанных уже по этому поводу соображений. Я процитирую сейчас первую по порядку его версию, приведенную в Деяниях апостолов:

«Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику / И выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав приводить в Иерусалим. / Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба; / Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? / Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна. / Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? И Господь сказал ему: встань и иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать.» (Деяния, 9:1-6).

В «Деяниях» эпизод этот воспроизводится еще дважды (см. 22:1-16; 26:9-18). Такое настойчивое возвращение к интересующим нас здесь подробностям, надо понимать, не случайно и должно рассматриваться как свидетельство того значения, какое придается им на Небесах. Нам, собственно, осталось разобрать здесь немного.

Прежде всего, такой вопрос: к Кому имело место состоявшееся его обращение? Точнее, к Кому именно? Ибо Павел не сомневался в Божественном происхождении слышанного. Но, с другой стороны, могли ли такое сказать Отец, служению Которому, как он полагал, он посвятил себя столь безоглядно и безоговорочно? И потому: «Кто Ты, Господи?». Или, что то же самое: «Ты ли это, Бог Авраама, Исаака и Иакова, уж не почудилось, не померещилось мне это?» Нет, не померещилось. Павел узнает, что обращается к нему Тот Самый Господь, только теперь уже в Своем Сыне – Том Самом, Которого он так усердно преследовал в течение всего последнего времени, и что Он на самом деле Его Сын.

Далее, к Чему? Или, как и в предыдущем случае, лучше сказать: к Чему именно? Ибо речь идет, опять же, о Его Домостроительстве, на какое Павел и до этого, как, опять же, он полагал, употреблял все свои силы. «Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать?» «В трепете и ужасе» – ибо вдруг обнаружилось, что дело, которому он посвятил себя столь безоглядно, в действительности не Его дело и что «угрозами и убийством» он на самом деле «дышал» на избранников Господа. Есть, в самом деле, от чего прийти в ужас такому человеку как Павел. Тут буквально – по смыслу, по крайней мере – повторилась ситуация, имевшая место с нашими первыми прародителями в Едеме. Я имею в виду цитированный уже стих из Бытия, как нельзя лучше характеризующий эту коллизию: «И открылись глаза у них обоим, и узнали они, что наги». (Бытие, 3:7). И открылись глаза у него, и узнал он, что наг перед Господом. «Наг», или виноват дважды: что не узнал по данным знамениям времени Его пришествия (а должен был узнать) и что стремился разрушить Его дело – Церковь, вместо того, чтобы, как подлинный ревнитель Его правды, принять ожидаемое от него участие в Ее строительстве. «Что

повелишь мне делать?» – в таком контексте знаменует собой поворот от служения делу Создателя, о котором Павел судил согласно принятому в его окружении прочтению заключенного между Ним и Израилем Завету, к Его делу, о котором отныне предстояло ему узнавать уже непосредственно от Него Самого.

Прямо об этом не говорится, но по имеющемуся опыту всех предыдущих призваний, первое, что он должен был услышать после того, как понял, с Кем именно имеет дело, это: «оставь все». Подтверждением тому, безусловно, служит и вся последующая известная нам история его жизни, ибо он и на самом деле оставил все. Ведь был же у него какой-то дом, можно предположить, какое-никакое средство передвижения (что могло почитаться за таковое по тем временам), одежда, утварь, друзья-товарищи, учителя, родственники ближние и дальние и так далее. В том числе – и какая-никакая семья, ибо ничто прямо не противоречит такому вполне напрашивающемуся для иудейской действительности того времени предположению.

Обратите внимание: ни одного упоминания об этом в статусе сердечных помыслов или помысла. В том числе – и в эпизодах посещения им Иерусалима. А ведь так, казалось бы, естественно после столь долгого отсутствия поинтересоваться, по крайней мере, что и как стало или приключилось здесь со всем этим за прошедшее время. Хотя бы – с тем же Гамалиилом, у ног которого в сем городе, по его собственным словам, он был воспитан. Но все это Павел оставил без единственной оглядки. Другое дело, что это оказалось еще не все. Осталась его любовь к Израилю и Иерусалиму. Мы об этом будем еще говорить в следующей главе.

У такого исполнения заповеди «оставь все» есть и еще одно последствие. Дом ведь это не только имущество в том или ином его виде и количестве, а также жена, дети и т. д., но еще и известный круг обязанностей, исполнение которых единственно дает возможность поддерживать все это в состоянии, какое только и может позволить продолжать называть его домом, а всей этой совокупности вещей и людей продолжать быть домом. Так что подлинно обращенный человек поневоле и неотвратимо еще и выталкивается, так сказать, из общегития, именуемого домом, поскольку перестает выполнять обязанности, только и поощряющие пребывающему в миру человеку быть частью такого дома, что называется, иметь дом. «И враги человеку – домашние его» (От Матф., 10:36) – сказано в том числе и об этом.

Недаром ведь в случае тех же апостолов, притом, что они, насколько можно судить, вернулись так или иначе к своим прежним занятиям, коль скоро речь заходит о служении, мы неизменно застаем их не просто вышедшими из дома, но именно ушедшими – т. е. вне исполнения их связанных с воспроизводством дома обязанностей, пусть и на время. Во избежание недоразумений, отмечу сразу: то, что позволено было посланникам Христовым, не обязательно может быть позволено членам Его Невесты-Церкви. В частности, такое возвращение в дом им, этим последним, неминуемо и незамедлительно

зачтется за отпадение – второе и последнее со всеми причитающимися последствиями. Не буду здесь углубляться в подробности.

Несколько слов о реакции мира на подобный же уход и из него тоже – одно тут неотделимо от другого – или отвращение от него человека. Реакция, в общем, прогнозируемая: отвергнувший мир верующий, в свою очередь, будет отвергнут самим миром, как он необходимо отвергнут домом. Неважно, что это общество, или мир собой представляет: род, племя, соседскую общину, учреждение, государство – все они живут по законам несовместимым с теми нормами отношений, которые проповедают и утверждают всем своим образом жизни следующие за Христом Его избранные. Отвергнутый последователями Христа мир их прежней жизни, в свою очередь, отвергает их самих, мстит, можно сказать и так, за свое отвержение. Это новое статус-кво резюмируется Павлом в известном цитированном уже стихе: «Мы сделали позорищем для мира.» (1-е Коринф., 4:9).

Стоит обратить внимание, что реагирует таким образом прежде всего сам этот мир. Новообращенный оценивает это свое новое положение все-таки по-другому. Новый Завет ведь обязывает его не только отвергнуть мир его прежней жизни, но и одновременно как никогда ранее обратиться к нему (в отличие, к слову, от Завета заключенного с Израилем с его установкой на всемерную изоляцию этого избранного Богом-Отцом народа от мира). Отвергнут он должен быть только в своем сердце, в качестве цели творения. Но с этого момента мир этот – теперь уже весь мир, можно сказать – превращается в поле деятельности нашего новообращенного и какой деятельности! Он позорище, но он и свет мира (см. От Матф., 5:14-16) – вот главное! А дальше дело уже тех, кто в мире, выбирать между тем и другим: отворачиваться, презирать, преследовать такого верующего или же наоборот, тянуться к нему и за ним к свету истины, к новой жизни в Боге в конечном счете, всеми своими помыслами и силами.

Все это наглядно иллюстрируется на примере, опять же, прежде всего Иисуса. Начиная с того, что, отвержение Его миром выразилось в распятии – позорном с точки зрения самого мира наказании, какого удостаивались презренные в нем рабы. Вернее даже так. Увлеченный демонстрируемыми чудесами, мир этот пытался вначале направить эти Его способности в нужное ему русло (сделать царем). Но в итоге потерпел на этом пути полную неудачу. Тем более ожесточенную форму принимает последовавшее затем Его отвержение (то же в ряде эпизодов имело место и в известной нам истории служения Павла).

Но, с другой стороны, имела место и искупительная жертва – Жертва на самом деле, т. е. с большой буквы – в результате которой человек обрел шанс к спасению. И этот последний результат с точки зрения Самого Христа и каждого следующего Ему обращенного (того же Павла) во всей этой истории самое главное. Можно это показать на цитатах. А дальше, опять же, дело тех, кто в мире – воспользоваться или не воспользоваться предоставленным им таким образом последним шансом. Как образно Он Сам говорит об этом: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду

к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною. / Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел со Отцем Моим на престоле Его. / Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам.» (Откровение, 3:20-22).

Заодно уже некоторые соображения о так называемом суде над Христом, имевшем своим результатом упомянутую Жертву, в чем выразилось, как уже было сказано, в конечном счете Его отвержение миром. Я пишу «о так называемом суде», имея в виду, что до сих пор не прекращается дискуссия по поводу того, чем все-таки была на самом деле эта цепочка событий, непосредственно предшествовавших Его распятию. Начиная с ночного заседания синедриона. Сама эта тема, вообще говоря, достаточно далека от непосредственно разбираемого (дискутируемого) тут круга вопросов, связанных с христианским обращением к Господу, но на ней хорошо иллюстрируется то новое видение происходящих в этом мире событий, которое характеризует пребывание в нем такого обращенного (должно, по крайней мере, характеризовать).

Короче, традиционно означенное заседание синедриона интерпретируется именно как суд. Вместе с тем, слишком многое здесь не соответствует принятому регламенту такого рода мероприятий (не буду сейчас вдаваться в подробности, не суть). Любопытный анализ этого соответствия-несоответствия мы находим в вышедшей не так давно книге Хаима Коэна «Иисус, суд и распятие». С одной стороны, имея в виду упомянутое «слишком многое», он утверждает, что это не было судом. С другой же пытается убедить нас, что суд на самом деле оправдал Иисуса, а не осудил. То есть, все-таки имел место суд, но решением его было на самом деле оправдание Иисуса. И не только перед синедрионом, но и у Пилата. На резонный в таком случае вопрос: тогда почему в итоге Иисус все-таки был распят? вразумительного ответа Коэн так и не приводит.

Вообще говоря, почему обязательно суд? Ведь достаточно очевидно, что синедрион фигурирует здесь, прежде всего, как коллективный орган политического управления, несущий столь же коллективную ответственность перед Римской администрацией за возможное возмущение в народе. А присутствие Иисуса, по общему признанию, как раз и было чревато таким возмущением. Как сказано об этом в Евангелии от Иоанна (11:47-48): «Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит; / Если оставим Его так, то все уверуют в Него, - и придут Римляне и овладеют местом нашим и народом.» И потому: «лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». (Там же, 11:50). Решение явно не юридическое.

Однако дело даже не в этом. Действительно принципиальным здесь является то обстоятельство, что в Евангелиях мы ведь имеем дело отнюдь не с обычными историческими хрониками, а с Писаниями - священной историей священного народа. Соответствующей должна быть и реконструкция описываемых в них событий, начиная с того, что

этим снимается сама возможность ставить под сомнение достоверность происходящего, чем без конца занимается Коэн. Далее, описываемая история с этих позиций – это ведь история жертвоприношения, надо бы не забывать. А потому имевший место суд представлял собой на самом деле процедуру установления невиновности, но отнюдь не вины, как того следовало ожидать в соответствии с традиционным для мира употреблением этого понятия. Напомню, опять же: жертва (Жертва в данном случае) должна была быть без порока. Соответственно и заключительный вердикт такого суда должен был носить обратный ожидаемому в миру в таких обстоятельствах характер: поскольку невиновен, не уличен в преступлении закона – повинен смерти (От Матф., 26:66). Поскольку обе инстанции – Иудейская и Римская – подтвердили это, жертвоприношение состоялось.

Другое дело, что ни тем, ни другим этот истинный смысл того, что происходило в тот момент на их глазах не был открыт. Потому потребовалось привлечение посторонних в этом случае соображений и обстоятельств вроде опасений по поводу возможного возмущения в народе, криков толпы или попытки лжесвидетельствования, которые могли бы хоть как-то оправдать в глазах соучаствующих сторон принятие именно такого решения. И мы видим, как непросто им всем это давалось, что наложило свой отпечаток буквально на все стороны происходивших здесь событий, а равно и на поведение их участников.

Достаточно уже обратить внимание на то, что всем им пришлось принимать решения и действовать вопреки своим желаниям и, более того – самой своей природе. Но и в самом деле, не в природе Бога умирать, Иудея – следовать воле Бога, синедриона – осуждать невиновного, Пилата – уступать воле будь то синедриона или толпы. И не смотря на это, все-таки синедрион осудил Невиновного, Пилат пошел на поводу у толпы, Бог умер, а Иудеи, наверное, впервые со времени заключения Завета у горы Синай столь единодушно последовали Его воле. Хотя, как потом было сказано: «Если бы познали, то не распяли бы Господа славы.» (1-е Коринф., 2:8).

В заключение (главы, пока еще не книги) еще несколько слов о служении сынов Израилевых, представляющиеся необходимыми в контексте проводимой тут реконструкции процедуры христианского обращения к Господу. Предварительно об одном парадоксе восприятия человеком Божественного Откровения, буде он такого Откровения сподобился. Суть этого парадокса, или скажем так, свойственная нашему восприятию этого рода действительности особенность состоит в том, что получение Откровения вовсе не обязательно и не автоматически влечет за собой еще и получение представления о содержащейся в нем истине. Так Библия на сегодняшний день, как говорят, самая читаемая книга в мире. Но всем ли ее читателям доступна та элементарная истина, что существует Бог, Творец неба и земли и т. д. и что сама она есть не что иное, как обращенное к человеку Его слово? Очевидно нет.

Замечательны в этом отношении свидетельства уверования в резуль-

тате прочтения тех или иных стихов Писания, что как раз и означает открытие для себя существования Господа, присутствия Его в этом мире тем или иным из читателей Писания. Это притом, что читатель наш уже давно и вроде бы основательно знаком с их содержанием, в том числе и с этими строчками, за которыми в результате очередного прочтения вдруг открылась для него эта важнейшая истина. Так сказать, Откровение в Откровении.

Другое прогнозируемое, можно сказать, Откровение в Откровении, подстерегающее такого читателя или таких читателей на этом пути, состоит в том, что Писание на самом деле представляет собой подробнейшее изложение планов Господа в отношении сотворенного Им мира, в том числе – и в отношении каждого из нас при любом делаемом выборе в вопросе о Его исповедании.

Далее оказывается, что в Писании (в Новом Завете) перед нашим читателем не просто открываются планы Божии, но ему еще и предлагается принять сознательное и, значит, добровольное участие в их воплощении (иначе зачем бы оно и было нужно это сознание). То есть, перед ним, по существу, открывается перспектива стать в каких-то отношениях равным Господу, стать рядом с Ним, а тем самым подлинно подняться над окружающей его действительностью этого мира, начать вершить не только свою, но и его судьбу. Естественно – при выполнении определенных условий, одним из важнейших среди которых является как раз обсуждаемое здесь христианское обращение. И опять, так ли уж многие, в том числе и из уверовавших, отдают себе отчет в этих своих возможностях и предназначении? Примеры можно приводить и еще.

А теперь то, что нас, собственно, здесь интересует, ради чего потребовалось предпринятое перечисление. Так вот, в этом же ряду Откровений в Откровении должен найти свое место тоже далеко не очевидный для каждого такого рядового читателя Библии факт, что непосредственно означенное Откровение планов Божиих обращено к сынам Израилевым и только к ним. То же относится и к Новому Завету, содержащемуся в нем Откровению о Царствии Небесном. Все это в полном согласии с тем, что именно им среди всех остальных народов было обетованно священство.

Еще раз ввиду важности: что равно и Новый Завет, как и Моисеев, был адресован сынам Израилевым и только им; что Иисус, как и Моисей, был послан только к погибшим овцам дома Израилева; что теперь, как и тогда, содержащаяся в данном им и через них Откровении истина открыта была непосредственно только им, сынам Израиля, а остальным – притчами; что теперь, как и тогда при заключении Завета подтверждено было обетованное этим сынам священство. Вот как об этом сказано было Моисею Богом-Отцом на горе Синай: «А вы будете у Меня царством священников и народом святым. Вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым.» (Исход, 19:6).

А вот это же обетование, повторенное уже Богом-Сыном на заключительном этапе Библейской истории Израиля также на горе, но уже в Галилее, в последнем Его напутствии оставляемым на земле уче-

никам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, / Уча их соблюдать все, что Я повелел вам.» (От Матф., 28:19-20). Разница в том, что обетование священства, содержащееся в Моисеевом Завете, обращено к будущему Израилю, тогда как Иисус формулирует его Своим ученикам уже в статусе заповеди, подлежащей актуальному исповеданию.

Специфика процитированных вариантов формулировок одного и того же обетования становится более понятной, если принять во внимание определение Закона Моисеева как детоводителя ко Христу: «А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере, / Итак закон был для нас детоводителем ко Христу...» (К Гал., 3: 23-24).

Имеется в виду, что история Израиля до Иоанна представляла собой некий период взросления этого избранного Богом-Отцом народа. Взросления и значит - воспитания, и значит - известной его изоляции от окружающего мира и имеет своим назначением предоставить взрослому организму возможность освоить определенные азы предстоящей ему в некотором будущем несравненно более свободной и ответственной одновременно жизни. По завершении же этого периода в силу должны были вступить новые правила взаимоотношений его сынов с окружающими их народами - для которых им, собственно, и обетованно было стать народом священников. Новым в этих отношениях должна была стать заказанная этим священникам прежде свобода. Имеется в виду свобода, основанная на знании ими истины. Далее вопрос, как они обретенной таким образом свободой воспользовались. Оставляю без комменариев.

Ну и совсем уже коротко о женском служении. Это служение домоправителя при муже. Круг тех, кому она в роли домоправителя призвана раздавать хлеб истины - это их дети. Вместе с детьми, кроме того, жена участвует в оказании помощи попавшим в беду, раздает, в частности, милостыню нищим. Не имеющая мужа молит Бога о его ниспослании. Спасение при этом она может обрести в детях, в потомстве. Как сказал об этом Павел: «Спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием.» (1-е Тим., 2:15). Личное же спасение ей на сегодняшний день, по крайней мере, заказано.

ГЛАВА III

Из действительно актуального в связи с темой христианского обращения, на что следует еще обратить здесь внимание, у нас остался вопрос об отношении к начальствующим в мире. В обращении, понятно, это отношение может обнаружить себя лишь в форме

готовности, реализация которой в соответствующем поведении нашего верующего предстоит уже в следующий момент его продолжающейся на земле жизни. Перед нами, таким образом, стоит задача прояснить, в чем именно должна состоять эта готовность. К тому же и сам по себе вопрос этот настолько важен, что, обратите внимание, сатана посчитал необходимым поставить его перед Иисусом в качестве одного из тех трех искушений, каким Он был подвергнут в пустыне. Вот изложение этого эпизода согласно Евангелию: «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, / И говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься мне. / Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня сатана, ибо написано: Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему одному служи.» (От Матф. 4:8-10). Так что в любом случае какое-то знакомство с данной проблематикой будет для читателя не лишним, тем более, если он и на самом деле обеспокоен поисками путей примирения с Господом. Ограничимся самым необходимым.

Первое, на что следует обратить тут внимание – что дилема, поставленная перед Иисусом в процитированном сейчас эпизоде, отнюдь не об отношении к власти как таковой. Власть в Его глазах – абсолютная ценность и этот вопрос в Писаниях даже не обсуждается. Другое дело – приемлемость форм власти, а также способов вступления в нее. Интересна в этой связи реакция Иисуса на выраженное в слух Его желание сыновей Зеведеевых сесть у Него по правую и по левую сторону в Его Царстве: «Иисус же, подзвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; / Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; / И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом». (От Матф. 20:25-27).

Как видим, само их стремление к первенству среди своих товарищей отнюдь Им не порицается. Иисус лишь предостерегает от тех неоправданных ожиданий, какие они, несомненно, связывали в тот момент в своих сердцах с таким стремлением. Отвергается, само собой, и возможность принятия власти из рук диавола. Но не отвергая, как сказано, самую власть, Искупитель наш таким образом объявляет этому Своему антагонисту войну, участниками в которой на Его стороне и призваны стать Его обращенные последователи.

Понятно, думаю, что легких решений здесь не бывает (быть не может). Ведь и Самому Христу принятое Им решение далось не так уж просто, как это может на первый взгляд показаться. И в самом деле, поклонись Он тогда диаволу, пади перед ним, не пришлось бы откладывать на столь неопределенное время вступление Его в царствование. К тому же, отпала бы сама собой необходимость в последовавшей позорной казни. А от нас не было сокрыто, каких переживаний Ему это стоило. Как сказано об этом в Евангелии: «Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (От Луки, 12:50). Или в более современном переводе: «Я терзаюсь в муках до тех пор, пока это не совершится».

Но ту же, по существу, дилему приходится решать и каждому из

потомков Адама, коль скоро тот или иной из них, как и Иисус, ставится перед необходимостью определиться со своим исповеданием: получить все уже здесь и сейчас, не откладывая и не неся креста, для чего надо стать в ряды активных последователей дьявола; или же все-таки обратиться ко Христу, встать, так сказать, под Его знамена в объявленной Им войне. И тогда не избежать острейшего конфликта с начальствующими в этом мире. А как следствие – и тяжелейших здесь испытаний, которые ожидают такого обращенного на его оставшемся земном пути. Подлинно есть тут над чем задуматься верующему в Его состоявшееся пришествие.

На что следует специально обратить внимание: в мире, где безраздельно господствует дьявол, именно во взаимоотношениях с разного рода начальствующими в нем, то есть с помазанниками его и их присными – а не с Богом – решаются каждодневные проблемы элементарного человеческого выживания. Но ведь эти же проблемы и с теми же начальствующими – некуда деться – предстоит решать и новообращенному во время предстоящего ему служения. Только теперь еще и в непримиримой с ним, то есть, с дьяволом, а, значит, и с упомянутыми его помазанниками и присными конфронтации. Вместе с тем, обращения имеют место и, что не менее существенно, служения совершаются.

Констатация этого факта в свете только что сказанного имеет принципиальное значение, ибо означает, что задача на выживание обращенных даже в таких обстоятельствах все-таки разрешима (а иначе невозможно было бы и служение). В конце концов, любая война ведется по каким-то правилам и данная война не исключение. Отсюда важнейшее значение для христианина приобретает знание этих правил (правил войны в дополнение к правилам служения, о которых говорилось выше), что позволило бы ему все-таки справиться с этой стоящей перед ним труднейшей задачей. Понятно, думаю, что поиск искомых ответов следует начинать с анализа того, как эта задача на выживание решалась Христом в состоявшемся Его среди Иудеев служении – будь то в Его наставлениях ученикам или же в Его поведении в тех или иных имевших место эпизодах этого рода с Его участием.

И вот первое и важнейшее из этих правил: по возможности избегать общения с начальствующими. Это кроме того, что они, эти начальствующие еще и не подлежат обращению. Притом, что вступать с ними в отношения все-таки приходится. Вместе с тем, общее впечатление от прочтения Евангелий – вынужденность этих Его отношений. Но и в самом деле, нет ни одного эпизода, где можно было бы сказать, что Иисус по Своей инициативе обратился к кому бы то ни было из представителей властей. А при невозможности избежать этого – явно просматриваемая в Его репликах сдерживаемая неприязнь, обнаруживающая себя порою во вспышках уже неприкрытого гнева (см. в частности, От Матф., 23:13–36). То же, к слову, и у Иоанна Крестителя.

Хотя сами начальствующие своих попыток поиметь что-то еще и в Его Царстве не прекращают. Вот одна из таких попыток, надо думать, достаточно типичная для того времени: «Между фарисеями был

некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских. / Он пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! Мы знаем, что Ты – Учитель, пришедший от Бога.» (От Иоанна, 3:1-2). Обратите внимание на это «мы». И еще из этого ряда: «Иосиф из Аримафеи, ученик Иисуса, но тайный.» (От Иоанна, 19:38). Но почему ночью, почему тайный? Как сказано там же: «Из страха от Иудеев». И еще в другом месте о других многих подобных им из начальствующих, уверовавших в Него, но не исповедующих: «Чтобы не быть отлученными от синагоги; / Ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию.» (От Иоанна 12:42-43). Собственно, что и следовало в таком случае ожидать. Понятно должно быть, что ничего общего с подлинным христианским обращением к Господу это не имеет.

Но что в таком случае влечет все-таки этих людей к новому исповеданию? Единственное, что остается предположить – это вера в Его состоявшееся пришествие и трепет перед возможным возмездием за свое так и не состоявшееся обращение. Людям, однако, свойственно надеяться. В данном случае – на то, что проявленная ими лояльность к Нему будет им как-то зачтена в свое время. Например, тому же Иосифу из Аримафеи – его забота о посмертном погребении Иисуса. (см. От Матф. 27:57-60). Насколько обоснованы эти претензии – предмет отдельного разговора.

Но в любом случае наличие таких сочувствующих в окружении уверовавших и обратившихся представляется совсем не лишним с интересующей нас здесь точки зрения, т. е. поскольку и если на повестку дня выносится вопрос их выживания. Так, например, безусловно положительную роль в судьбе Петра и других бывших с ним апостолов во время состоявшегося над ними суда сыграла та осторожная позиция, которую занял в отношении проповедуемого ими учения уважаемый всеми законоучитель Гамалиил: «И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо, если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, / А если это от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками.» (Деяния, 5:38-39). То же можно повторить и о поддержке, которую оказала Павлу в аналогичной ситуации группа присутствовавших здесь фарисеев, точно таким же образом, как и упомянутый Иосиф, «обратившихся» в его веру (см. Деяния, 23:6-10).

А отсюда второе правило: не отказывать в благовестии верующим и трепещущим из начальствующих, даже и зная наперед о неспособности их к истинному исповеданию Господа. Подобно тому, как не отказывал им и Иисус, как не отказывал им и Павел до своего последнего посещения Иерусалима (потом – это отдельная история, см. далее).

Вот такие незамысловатые внешне, но важнейшие, вместе с тем, правила поведения, адресуемые Писанием каждому обращенному в этом мире, следование которым может способствовать самой возможности его здесь выживания, а значит, и служения. Возможные отступления от их соблюдения в ту или другую сторону чреваты двумя последствиями: либо служение нашего обращенного принимает характер Валаамова, либо же оно оказывается в конечном счете не состоявшимся. Далее

мы еще к этому вернемся.

А теперь припомните все слышанное вами когда-либо из наставлений верующим от современных пастырей, было ли в них что-нибудь подобное сделанному здесь предупреждению от служения такой власти? Полагаю, что нет. Хотя в истории существующей церкви служение с элементами неприятия тех или иных властей или тех или иных принятых в миру порядков не такая уж и редкость. Но при этом еще и обязательно ради своих собственных власти и влияния на имеющее в нем место течение тех или иных событий. Разве что интерпретируется вся эта возня в Библейских терминах и с апелляцией к Библейской экзотике. Примерам числа нет. Я сошлюсь на один из них, достаточно показательный в интересующем нас здесь отношении. Это история взаимоотношений патриарха российского Никона с государем российским Алексеем Михайловичем, Тишайшим, как его еще называют. Вот краткое изложение этой истории.

Начало их отношений датируется 1646 годом, когда Никон, будучи игуменом Кожеозерского монастыря, решил отправиться лично за сбором подаяния в Москву. По обыкновению своего времени там он должен был явиться на поклон к царю, где и состоялось знакомство, не прошедшее бесследно для обоих. Алексей Михайлович выразил желание продолжить завязавшуюся тогда беседу, а через некоторое время и вовсе предложил игумену переселиться в столицу. Никон без долгих колебаний согласился. Дружба их крепла и вскоре Алексей Михайлович настоял на назначении «собинного друга» на место скончавшегося митрополита Новгородского. Царь возложил при этом на Никона наблюдение уже не только над церковными делами, но и над местной администрацией. Новоназначенный митрополит должен был доносить ему обо всем, что делалось в Новгороде, и давать свои заключения и советы, к коим царь неизменно прислушивался.

После смерти патриарха Иосифа, последовавшей в апреле 1652 г., на вакантное место, опять же по настоянию царя, был назначен все тот же Никон, при немалом к тому сопротивлении со стороны боярства. Последнее давно уже негодовало на него за вмешательство в светские дела. Никон, однако, смотрел дальше. Идеалом его был патриарх Филарет, сумевший сосредоточить в своих руках при своем сыне-царе еще и управление самодержавное. И поначалу Алексей Михайлович этому не противился, так что во время войны с Польшею патриарх даже был по его выбору назначен регентом государства. Теперь уже и в боярской Думе ничего не могло сделаться без ведома и благословения нашего патриарха. В 1655 году от вернувшегося в Москву из похода царя Никон к тому же получает и официальный титул «великого государя». Ну и так далее, со всеми обычными в этом мире скучными подробностями.

Вот такая «брань» (см. К Ефесеям, 6:12), с позволения сказать, произошла у нашего последователя Христа с начальствующими в этом мире. Добрался до того, что сам стал в нем государем. Для сравнения, попробуйте представить себе Христа, прокураторствующего в

Иудее вместе с Пилатом. А вот Никон, надо понимать, мог. Короче, кульминацией их совместной деятельности стала знаменитая в истории России церковная реформа, буквально расколовшая тогда страну на два враждующих лагеря и едва не повлекшая за собою новую смуту, во всяком случае, стоившая народу многих жертв и значительного разорения хозяйству.

В дальнейшем, однако, регенство это стало тяготить повзрослевшего царя. В последовавшем конфликте (наконец-то!) при той расстановке сил верх, само собой, мог остаться только за Алексеем Михайловичем. Так оно и вышло. В конечном счете Никон был смещен и сослан в отдаленный монастырь, где и содержался под надзором почти до самой его кончины.

Любопытна реакция самого Никона на такое «отвержение» его миром. Приведу только одну выдержку из его письма, адресованного им Алексею Михайловичу, в нашем случае будет достаточно. Вот характерный упрек бывшему другу: «Прежде я был у твоей милости единотрапезен с тобою, ты меня кормил тучными брашнями. Теперь же, июня в 15 день, когда торжествовалось рождение благоверной царевны Анны Михайловны, все веселились от твоей трапезы; один я, как пес, лишен богатой трапезы вашей! Если бы ты не считал меня врагом, то не лишил бы меня малого кусочка хлеба от богатой вашей трапезы. Это пишу я не потому, что хлеба лишаюсь, а потому, что желаю милости и любви от тебя, великого государя. Перестань, молю тебя, Господа ради, на меня гневаться.» Думаю, в комментариях такое не нуждается.

Сын Тишайшего, Петр, воспользовавшись смертью очередного патриарха, и вовсе ликвидировал этот сан, учредив вместо него в феврале 1721 года Святейший Правительственный Синод. Таким образом была подведена окончательная черта под длившимся здесь в течение последнего столетия соперничеством двух традиционных по тем временам начал власти в этом мире: теократического и монархического. А в качестве итога – церковь под управлением уже откровенно светского учреждения, руководитель которого, вообще говоря, не обязательно должен был быть даже верующим. Как сказал назначенный в 1836 году на должность обер-прокурора Синода граф Протасов генерал-адъютанту Чичерину: «Поздравь меня: я – министр, я – архиерей, я – черт-те что». А и подлинно черт-те что. Причем, добавлю уже от себя, еще и с самого начала – с принятия здесь христианства.

Можно, конечно, попытаться представить себе и другой исход этой коллизии: патриарх ликвидирует сан царя и учреждает такой же Правительственный Синод, но уже по делам светским. Почему нет? Было бы это лучше? Решается в зависимости от того, что считать лучшим, с какой стороны посмотреть. Во всяком случае, с точки зрения возможностей организованного противодействия установлению Царствия Небесного такой режим был бы, безусловно, более последовательным и непримиримым. В Легенде о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского предпринята попытка смоделировать именно такую версию разрешения обсуждаемой здесь коллизии. Далее она сравнительно подробно анализируется в Приложении.

И уже заодно. Говоря о перипетиях взаимоотношений двух таких заметных фигур российской истории, как Никон и Алексей Михайлович, нельзя, наверное, обойти вовсе молчанием третьего, не менее, пожалуй, колоритного участника этих событий, каким представляется протопоп Аввакум. За что боролись насмерть Никон и Аввакум (два упрямых мордвина)? Не трудно уже, думаю, догадаться: за влияние на царя. К кому апеллировали? Опять же, к нему. Переставьте их местами, я имею в виду Никона и Аввакума – на сей раз уже точно ничего не изменится. Ну, разве что, вместо крещения тремя перстами будет, по-прежнему, двумя и сожжену заживо теперь уже быть не Аввакуму, а «Никону собаке».

Если теперь поставить вопрос об образе этих отношений (Никон – Алексей Михайлович, Аввакум – Никон, Аввакум – Алексей Михайлович), то это, конечно, не Иисус с Пилатом и не Креститель с Иродом, и даже не Петр или Павел перед синедрионом. Предстоящая перед глазами картина, по мере развития конфликта, все более напоминает пауков в банке, которые, за неимением возможности разминуться в столь тесном для их амбиций пространстве, в конечном счете элементарно пожирают один другого.

Однако пора уже нам вернуться к вопросу о взаимоотношениях с начальствующими в этом мире подлинных последователей Христа Иисуса. Повторю еще раз: речь вовсе не идет о противлении мирской власти в привычном употреблении этого понятия. Противящиеся в обычном смысле предъявляют так или иначе претензию все на ту же власть в этом же мире. Кстати, как и не противящиеся, то есть, подчиняющиеся ей и оправдывающие тем самым ее существование. Приведенный пример противостояния и предшествовавшей ему дружбы Никона и Алексея Михайловича, думаю, достаточно наглядно свидетельствует о том, как такие вещи здесь происходят.

Напротив, Иисус, согласно Евангелиям, отнюдь не претендовал на мирскую власть (а попытки призвать Его к такого рода служению продолжались и после памятного инцидента в пустыне). Соответственно не было и малейшего намерения с Его стороны выступить тут за или против каких бы то ни было политических сил и движений, поддерживать какие бы то ни было социальные проекты и начинания. Война объявлена была Им отнюдь не за власть в этом мире (иначе зачем было бы и отказываться от нее, повторю еще раз), и не за то или иное его переустройство, что, собственно, и подтвердил Пилат перед Иудеями, не найдя в Нем никакой вины (см. От Иоанна, 18:38). Иисус отвергает мир как таковой, к тому же Он призывает и Своих последователей. Более того – еще и в качестве первого и неперемного условия следования за Ним, самой возможности такого следования. Включая готовность оставить без оглядки и малейшего сожаления свою жизнь в нем. «Отвергнись себя», как Он это формулирует.

Конечным же результатом такой войны должно стать не завоевание мира или его благоустройство под каким бы то ни было знаменем или предлогом, а его полное исчезновение – включая, само собой, и всех

стоящих на его страже начальствующих вместе с повинующимися им их служителями. Так что очевидно, думаю, после всего сказанного, что нечто подобное Павлову: «Рабы, повинуйтеся господам своим по плоти... как Христу, / ...как рабы Христовы...» (К Ефесеям, 6:5-7), в исполнении Самого Христа представить себе просто невозможно.

Невозможно вывести что-то подобное в том числе и из столь популярной Его формулы: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу.» (От Луки, 20:25). В самом деле, кесарево – вам это подтвердит любой из кесарей – это мирские власть, слава, богатство. Следовательно, ничего другого эта формула не означает, как необходимость уступить ему все перечисленные атрибуты, каким-то образом еще находящиеся в ведении нашего верующего и обратиться целиком к Богу. И именно в таком порядке: сначала отдать кесарево кесарю, ибо невозможно одновременно исповедывать и то, и другое, о чем мы только что говорили. Так что на самом деле и эта Евангельская формула не содержит ровным счетом ничего такого, что бы можно было противопоставить сказанному выше об Его отношении к начальствующим в мире, как и к самому миру.

А теперь посмотрим, в какой степени такое исповедание было принято среди последователей Христа (там, где было принято), начиная с Его ближайших учеников. Воздаим им должное: поначалу они таки пытались следовать своему Небесному Учителю, во всяком случае, были такие поползновения. Соответственно, их конфронтация с властями носила в это время, можно сказать, перманентный характер – как и в отношениях с теми же властями Иисуса. И также совершенно взаимно, как оно, собственно, и должно было быть согласно Евангелиям.

Подтверждение тому мы имеем прежде всего в эпизодах ареста Петра и других апостолов с последующим разбирательством их дела синедрионом, а также расправы, учиненной старейшинами и книжниками над Стефаном (см. Деяния, 4:13-20; 5:29; 40-42; 7:54-60). Соответственно формулировался в их среде в это время и принцип отношения к начальствующим в мире. Вот как он был провозглашен Петром перед начальниками в его народе во время упомянутого разбирательства: «Судите, справедливо ли перед Богом – слушать вас более, нежели Бога?» (Деяния, 4:19). А вот реакция на это мира в лице в данном случае все того же синедриона: «Слыша это, они разрывались от гнева и умышляли умертвить их.» (Деяния, 5:33).

Хотя отступление от ортодоксальной позиции, следует отметить, просматривается уже и тут. В самом деле, Петр пытается доказать правильность своей позиции, очень похоже, не только синедриону, но и себе самому. Для подлинно обращенного здесь нет дилеммы. В отличие от Петра, такой обращенный не станет рассуждать, кого следует слушать больше, а кого меньше. Для него самой этой постановки вопроса не существует. Но Петр остается Петром даже в этот наиболее героический, можно сказать, момент (период) своей биографии.

Если говорить о Павле, то подобное же его отступничество в его отношении к начальствующим в этом мире особенно ярко обнаружило себя в его поведении, опять же, перед синедрионом во время его

последнего заключения в Иерусалиме, хотя отдельные отступления в этом роде наблюдались и ранее. Вот этот эпизод: «Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! я всю добрую совестью жил перед Богом до сего дня. / Первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал бить его по устам. / Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня. / Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь? / Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе своем не злословь.» (Деяния, 23:1-5).

Здесь поначалу еще прорывается прежний Павел, каким он, собственно, и должен быть согласно принятому им исповеданию Сына. Но эта вспышка последняя. Далее ничего подобного Павел себе более уже не позволяет. Мы таким образом присутствуем здесь, очень похоже, при еще одном его обращении, на сей раз – к исповеданию этих самых начальствующих в мире. Что же касается Бога-Сына, то отныне Его достаточно было всего лишь чтить. Или, что то же самое – верить в Его состоявшееся пришествие и воскресение (в том числе и без понятия, что бы все это значило) и дивиться неведомой доселе мудрости Его Евангелия. Понятно, что такое исповедание кардинально отличается от всего того, что было предопределено Павлу ранее, во время его обращения, состоявшегося на пути в Дамаск.

Об этом не менее знаменательном в своем роде обращении Павла можно по аналогии говорить как об обращении, имевшем место на пути в Рим. Аналогия усиливается еще и тем, что сюда он собирался поначалу тоже, как будто, с другими целями (см. Деяния, 20:24), и здесь ему тоже явился Господь, правда, теперь уже с допускающей волей: с повелением продолжить начатое дело (поскольку уже начато). Вот как сказано об этом Деяниях: «В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме.» (Деяния, 23:11). А свидетельствовал он начальствующим о Христе, Которого, повторю еще раз, достаточно было отныне всего лишь чтить, и подчиненным – об их начальниках, которых следовало теперь исповедывать «как Христа», «как Господа», «не как человек».

И в самом деле, отныне мы становимся свидетелями целой серии его попыток обращения в эту новую для них веру именно власть имущих в мире, будь то из своего народа или из представителей Римской администрации, вплоть до высшей. Уже процитированное его выступление перед синедрионом представляло собой, по существу, такую попытку, в результате которой, кстати, имело место и уверование. Я имею в виду группу присутствовавших здесь фарисеев, выступивших в защиту Павла с признанием истинности проповедуемого им Евангелия (см. Деяния, 23:9). А что еще могло означать такое признание с их стороны, как не такое уверование?

Остается объяснить, как могла появиться у упомянутых наших апостолов потребность к подобному изменению исповедания, а в их Посланиях – приведенные выше и подобные им констатации, где те

же начальствующие рекомендуются уже как Божие установление, призванное пресекать злое и защищать доброе. При полном согласии, насколько можно понять, и среди других Его учеников и последователей в этом мире.

Первая напрашивающаяся версия такого изменения в их исповедании, трагического изменения, прямо скажем – это отсутствие подлинной готовности исполнения заповеди отвращения от мира, зримым образом проявившее себя, прежде всего в нежелании уйти из дома. Во всяком случае – в нежелании уйти надолго, даже там, где такое поначалу имело место, как в случае того же Петра. Петр ведь возвращался домой не единожды, первый раз еще в присутствии Иисуса (см. От Матф., 8:14–15). У Павла это были его посещения Иерусалима. Что им Иисус простил, впрочем, как и другие их отступления.

Но возвращение в дом, в семью, в Иерусалим неизбежно влечет за собой и возвращение к почитанию начальствующих в мире. В самом деле, уже сама возможность их существования в этом мире (дома, семьи и т. д.) предполагает известные гарантии их сохранности от разного рода посягательств со стороны, которые ведь никто в таком случае, кроме того же кесаря и действующей от его имени на местах администрации, не мог тогда (равно как и сейчас) обеспечить. Что, понятно, несовместимо с продолжением конфронтации наших верующих с ними в каких бы то ни было формах.

Есть, безусловно, к такой трансформации и другой повод: это репрессии самой мирской власти, ставшие, без сомнения, существенным дополнительным стимулом поиска нашими последователями Христа соответствующих компромисов. Намеки на это можно усмотреть в 1-м Петра, например. Я имею в виду упоминаемое там «огненное искушение», посылаемое христианам для испытания их веры. В другом месте он говорит о каких-то «искушениях», побудивших его подопечных «теперь» немного поскорбеть и, далее, просит их, отложив «всякую злобу» и «всякое злословие», добродетельной жизнью доказать языческому миру, среди которого они живут, что оценка христиан как злодеев необоснованна.

Непосредственно затем, как бы раскрывая, что тут имеется в виду, автор продолжает: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, / Правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, ... / Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. / Слуги со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. / Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо.» (1-е Петра, 2:13–14, 17–19). Пожалуй, само начальство не смогло бы сформулировать лучше свои чаяния в отношении подчиненных.

И все-таки, какое все это имеет отношение к собственно христианству, к подлинно христианскому исповеданию живого Бога? В этой связи еще раз хочу обратить внимание читателя на санкцию, данную Христом упомянутому второму в биографии Павла его обращению. Санк-

ция эта, как уже говорилось, дана была на сей раз задним числом, что, безусловно, придает оказанной таким образом Павлу поддержке характер допущения, какое сопутствовало и Валааму на его пути к Валаку. Надо только не забывать, что означенное новое исповедание Павла предполагает, кроме нового содержания благовестия, еще и новый его адресат, а все вместе – новые решаемые здесь задачи.

А тогда все становится на свои места. Искомый новый адресат, после всего сказанного, это, очевидно, Петр со своими многочисленными последователями, включая начальствующих, в том единственном их виде и качестве, в каком они могут сделать возможным выживание истинных обращенных. И если не требовать большего, то можно сказать, что новое исповедание, проповедуемое Павлом, и способствующая его всемерной популяризации и распространению традиционная церковь (так называемая, Петрова) со своей задачей – где хуже, где лучше – справляются. В результате, пусть и крайне редко, но подлинное христианское служение все-таки совершается и, значит, живые камни в итоге оказываются уложенными в здание (тело) Его Церкви – Церкви истинной, краеугольным камнем которой является Он Сам – Бог Сын.

В заключение два примера христианского служения, в одном, по крайней мере, из которых не были в достаточной мере соблюдены сформулированные выше правила отношения к начальствующим в этом мире с вытекающими последствиями. С него и начнем. Это служение Сергия Радонежского. Перескажу кратко его житие, как оно изложено у В. О. Ключевского, в основном его же словами.

Предварительно только в двух словах о заглавии, которое предпослано здесь этому изложению, уже показательном в контексте интересующего нас здесь служения: «Значение преподобного Сергия для Русского народа и государства». Имеется в виду та выдающаяся роль, которую сыграло его служение в деле примирения враждующих Русских князей, благодаря чему ко времени Куликовской битвы почти все они признали главенство великого князя Московского Дмитрия Ивановича. Так оно на самом деле и было, возражать не приходится. Но, с другой стороны, попробуйте представить себе что-то подобное в отношении Христа Иисуса, имея в виду, конечно, уже не Русский народ, а народ Израиля: Христос в роли примирителя Иудеев, благославляющий их на борьбу за освобождение от Римского владычества. Очевидный абсурд, ибо это будет уже не Христос, а Иуда Макковей, например, или еще кто-нибудь в этом роде. Кстати, сами Иудеи ожидали и требовали от Него именно такого служения.

Обратимся, однако, уже к самому житию. Общая картина прожитой Сергием жизни, будем считать, понятна. Имеется в виду, что подлинно христианским его служение признано быть ну никак не может. На этом можно бы уже и поставить точку. Но тут интересны еще и характерные для подобного выбранному им жизненному пути подробности. На них мы и сосредоточим главным образом свое внимание.

Итак, Сергей Радонежский (в миру Варфоломей) происходил из знатного боярского рода. Около 1330 года родители его, доведенные до

нищеты, вынуждены были по материальным соображениям покинуть Ростов (место рождения Варфоломея) и поселиться в город Радонеж. После их смерти Сергей отправился в Хотьково-Покровский монастырь, где иночествовал его старший брат Стефан. Но оставался здесь недолго. Стремясь к пустынножитию, он основал пустынь посреди глухого Радонежского бора, где и построил (около 1335 г.) небольшую деревянную церковь. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей.

Года через два или три к нему стали стекаться иноки. Сергей, начав править собравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником и т. д., служил ей «как раб купленный», ни на один час не складывал рук для отдыха. Он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с новичков, указывал дело всякому по силам, ночью дозором ходил мимо келий, легким стуком в дверь или окно напоминая празднословившим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время. Так воспиталось дружное братство, производившее, по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян.

В монастыре все было бедно и скудно. В деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной. В обиходе братьев, чего ни хватить, всего нет. Случалось сидеть всем по целым дням чуть ли не без хлеба. Но все дружны между собой и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой и все молятся после работы. Во всех чувался скрытый огонь, который обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, размышления и молитвы.

Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыне. Целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и одобрение, которыми, воротясь в свой круг, делились с другими. Благодаря этому и воспитались на Руси люди, отважившиеся на дело, о котором боялись и подумать их деды. Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих борцов 1380 года. Известно только, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя Русского ополчения, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь». И в самом деле, безбожники на сей раз потерпели сокрушительное поражение.

Более существенен для нас, однако (это я уже от себя), другой итог нарисованной идилии: налицо, в конечном счете, типичный образец Валаамова служения. Для полноты картины стоит еще отметить, что описанное выше столь умирительное нищенство общины продолжалось недолго. Постепенно слава ее росла. С популярностью появился и достаток, ей начали жертвовать имущество. В конечном счете, терпевшая крайнюю нужду во всем необходимом пустынь, какой она была поначалу, превратилась в богатый монастырь.

А теперь для разнообразия перенесемся в Италию и говорить мы будем о Франциске Ассизском. Выбор обусловлен еще и тем, что на его примере, пожалуй, как ни на каком другом более, иллюстрируется приближение к идеалу истинного христианского служения, каким оно может быть в реальной нашей мирской жизни. Постараюсь изложить всю эту историю по возможности коротко и с минимальными комментариями. Читатель, думаю, сам уже в состоянии сделать необходимые выводы. В основном по материалам биографического очерка Э. К. Пименовой, наиболее близкого к излагаемой здесь версии христианского служения по расставляемым в нем акцентам.

Франциск Ассизский (из города Ассизи) родился в 1182 г. в семье зажиточного торговца зерном Пьетро Бернардоне. Юношей он вел разгульную жизнь с молодежью своего города, которая выбирала его «царем» пирушек. Родители не мешали сыну, их самолюбию льстило, что Франциска постоянно окружали дети богатых и важных дворян, которых он привлекал своей расточительностью. Со временем, однако, этот внешний блеск перестал его удовлетворять. Все чаще он стал задумываться о смысле жизни, все меньше времени проводил в кругу прежних своих друзей. Бернардоне, нисколько не стеснявший своего сына, когда он тратил деньги на разные безумства и кутежи, возмутился, когда Франциск перестал пировать с товарищами и начал раздавать нищим все получаемые от отца деньги. Поскольку увещевания не действовали, он просто перестал их ему выдавать. Конечным же результатом его размышлений стало обращение к исповеданию Евангельского идеала.

Обращение нашего героя – отдельная тема с весьма любопытными подробностями, на которых я не буду здесь останавливаться, ибо главный интерес для нас в данный момент, как и в предыдущем случае, представляет именно его служение. Достаточно сказать, что Франциск ушел из дома, в буквальном смысле оставив все, включая и бывшую на нем одежду.

Два года далее провел он в окрестностях Ассизи, живя в шалаше и занимаясь, кроме молитвы, починкой церкви, для чего выпрашивал камни. Питался же объедками, которые собирал по городу в обеденное время. И, конечно, проповедовал Евангелие Царствия Небесного, с которым шел не к счастливым и здоровым, а в первую очередь к бедным, несчастным, забытым, презираемым, к прокаженным и разбойникам. Именно в их отношении он питал особенную нежность и сострадание и в этом составлял полную противоположность господствовавшему в тогдашней клерикальной среде гордому презрению к человеческим слабостям и порокам.

Вскоре нашлись и подражатели. В одежде странников они ходили по соседним городам и деревням, призывая к покаянию. Ради пропитания, как и сам Франциск, занимались ручным трудом, при случае помогали крестьянам в сельских работах, но денег не принимали, довольствуясь лишь скромной трапезой. Но возростала и напряженность в отношениях с представителями официального духовенства. Пора было подумать о легализации, дабы не разделить участь всех

ересей. Франциск в этой связи отправляется в Рим, где в конечном счете искомая санкция на продолжение служения было им получена.

А пока число Францисканцев быстро растет. Глава их не терпит ленности и, несмотря на всю свою кротость и доброту, очень строг с ленивцами, так что одного из братьев, не желавшего работать и ограничивавшегося лишь собиранием милостыни, он прямо изгнал из общины, назвав трутнем, который сам меда не делает, а только ест чужой. Братья, вступавшие в орден, продолжали заниматься, как правило, тем же самым ремеслом, которым занимались раньше. Если же они не знали никакого ремесла, то должны были чему-нибудь научиться. В награду за труд им позволялось принимать только необходимую пищу и единственная собственность, которую они могли иметь, были орудия ремесла. Только тогда, когда они не могли заработать себе дневное пропитание, им разрешалось просить милостыню.

Франциск всегда был неизменно ясен и любил видеть вокруг себя веселые лица. Он говорил своим ученикам, что они должны прогонять мрачные мысли: «Отчего у тебя такое грустное лицо? – спросил он одного из них – Если ты совершил какой-нибудь грех, то это касается лишь тебя самого и Бога. Молись Богу, но с нами сохраняй ясность духа, так как не должно иметь угрюмого лица на службе у Господа.» Франциск предоставлял своим братьям полную свободу действий (в рамках Евангельского образа жизни, разумеется). Чтобы вступить в общину, достаточно было только заявить ему о своем желании исповедовать Евангелие и подтвердить это желание раздачею бедным всего имущества.

Такая простая организация ордена немало способствовала его успеху. Ничто в жизни общины не напоминало строгого монастырского устава, не было ни частых служб, ни долгих обстоятельных молитв. Эта-то свобода вместе с обаянием, которое производила на всех личность самого Франциска, а также те самоотвержение и любовь, с которыми члены его общины всегда были готовы жертвовать собою ради других, привлекали к ним взоры всех классов итальянского общества. Когда Франциск входил в какой-нибудь город, все жители выбегали к нему навстречу. Иногда площадь не могла вместить огромной толпы, желавшей слушать его проповеди. Дети целыми толпами встречали его на дороге, неся зеленые ветви и хоругви и распевая священные гимны. Рабочие корпорации, ремесленные цехи – все устремлялись к нему, охваченные энтузиазмом. Франциску однажды пришлось даже искать спасения в лодке, стоявшей у берега, так как иначе он рисковал быть задушенным толпой.

Франциск не знал никакого богословия. Для него Евангелие составляло все, отсюда заимствовал он те великие истины, которые говорил народу. Он произносил свои проповеди без всякой подготовки. Смеялся, плакал, приходил в сильнейшее возбуждение, и когда говорил об ужасах войны, о преступлениях народов, о низости великих мира сего, об алчности и презрении к бедности, то каждый из его слушателей начинал испытывать угрызения совести и стыдиться своих дурных поступков. Франциск, не стесняясь, обвинял в пороках

богатых и сильных, в том числе и служителей церкви, и всем без различия проповедовал покаяние и любовь. При этом он не уставал заботиться о том, чтобы суетные чувства не проникали в душу его братьев. Главным их назначением должна была быть апостольская проповедь Евангелия темному народу.

Франциск требовал от своих братьев не иметь, в том числе, и никакой общей собственности, и чтобы они никогда не имели никаких земных забот и не знали, чем будут питаться на другой день. Даже молитвенники, считал он, находятся в их временном пользовании. Отречение от собственности должно быть полное и безусловное и в этом отношении Франциск был неумолим. Так что, например, отказался принять ученика, который роздал свое имущество не просто бедным, а своим родным. «Ты еще не вышел из своего дома и своей родни» – сказал ему Франциск. Аналогичные соображения высказывались им и в отношении семьи.

Большое значение имел учрежденный Франциском орден Кающихся мирян, куда могли вступать равно как мужчины, так и женщины, сохраняя свое имущество и общественное положение и оставаясь в супружестве. От них требовалось лишь воздержание от клеветы, употребления оружия и слишком светского образа жизни. Но во всех остальных отношениях устав этой общины допускал много смягчений и исключений. При вступлении в общину члены ее обязаны были только вернуть все несправедливо ими присвоенное и примириться с врагами. Жены же должны были получить согласие от своих мужей. Посредством этой общины его проповедь могла иметь влияние на общество, смиряя высокомерие богатых и ободряя бедных. Общины Кающихся мирян раскинулись далеко за пределы Италии, соединив духовными узами людей, отчужденных в обычной жизни.

Вместе с тем, удерживать эту разрастающуюся массу людей в первоначальных рамках Евангельского образа жизни становилось все труднее, а в конечном счете уже и невозможно. Со временем стало появляться все больше недовольных упорным сопротивлением Франциска всякому возвышению ордена и усилению его могущества, а равно и возвышению самих членов общины среди своих братьев в мирском его понимании. Первая попытка нарушения постановлений Франциска была предпринята во время его отсутствия, когда он отправился проповедовать Евангелие неверным. Братья, оставленные им вместо себя во главе общины, тотчас же начали вносить нововведения в устав ордена. Конечно, прежде всего они постарались изменить характер обета нищеты и усложнили правила ордена, увеличив число постов и разных обрядностей, которым Франциск не придавал никакого значения. Во всем этом было видно явственное желание заключить Францисканскую общину в рамки обыкновенной монашеской и стремление к власти и влиянию не такому отвлеченному, каким до сих пор пользовались францисканцы.

Узнав об этом, Франциск поспешил вернуться. Ничто, однако, не могло уже сдержать естественное течение событий. К тому же и папство содействовало такому превращению Францисканской общины всеми

зависящими от него средствами, полагая не без основания, что в новом своем виде орден этот будет более полезен ему благодаря приобретенному им влиянию и репутации. В конечном счете сам Франциск был совершенно оттеснен от его руководства. Его заменил в управлении орденом сначала Петр Катанский, затем, по смерти Петра, на его место был поставлен честолюбивый и умный Францисканец Илья, сделавшийся окончательным преемником Франциска после его смерти. Франциск сошел со сцены и стал большую часть времени проводить в уединении в горах Умбрии. Его, однако, продолжали посещать верные ученики, недовольные новым духом, воцарившимся в общине, где обет нищенства постепенно терял свое значение и на сцену выступали властолюбие и забота о мирских интересах.

Неурядицы в его ордене заставляли Франциска все чаще и чаще искать уединения и утешения в беседе с Богом. Он чувствовал, что конец его близок, так как силы его иссякали и он почти не мог переваривать пищу. Заветом всей жизни Франциска было подражание Христу. Но раньше он стремился только к подражанию в Его жизни, сейчас же он всецело начал отдаваться размышлениям о страданиях Спасителя, и его все сильнее стало охватывать желание разделить муки Христа. Многие часы проводил он у подножья алтаря в маленькой уединенной часовне на горе, читая и перечитывая главы Евангелия, посвященные страстям Господним, после чего удалялся в лес и там снова мысленно переживал прочитанное. Предание говорит о появлении на его теле в это время стигматов.

Последние дни Франциска были особенно мучительны. Страдания его облегчались проявлениями внимания со стороны находившихся при нем ближайших учеников. Умер он в тихий и ясный осенний вечер. Это случилось в октябре 1226 г.

Приложение

«ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ХРИСТИАНИНА

А сейчас легенда «Великий Инквизитор» Федора Михайловича Достоевского. Легендой впервые ее назвал В. В. Розанов. В самом романе Достоевский именуется ее поэмой. Можно назвать ее и сказкой для взрослых, ибо сюжет вполне фантастический: незапланированное пришествие Иисуса. Хотя, как посмотреть. Есть ведь прецедент, я имею в виду строительство башни народом, происшедшим от Ноя. Вот эти стихи: «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. / И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.» (Бытие, 11:4-5). И еще одно событие из этого ряда: дошедшие до Господа вопли о преступлениях жителей Содомы и Гоморры. И тоже сошел Он посмотреть (см. Бытие, 18:20-21). Но не

из этого же ряда – равно по дерзости и извращенности замысла – также и преступление, творимое в Севилье Инквизитором вкупе с его единомышленниками? Тогда почему в самом деле и в этом случае не сойти и не посмотреть. Если допустить только, что подобного рода событие и на самом деле могло иметь место.

Но главное – это еще и мечта. Мечта Достоевского о коренном переустройстве взаимоотношений между людьми и Богом на справедливых в его понимании началах, насколько, конечно, такое возможно в уже существующем сотворенном Им мире. Как отметил все тот же наблюдательный Розанов: «В литературе нашей никогда не появлялось писателя, идеалы которого были бы так совершенно отделены от текущей действительности. Удержать ее и лишь кое в чем исправить – эта мысль никогда не останавливала Достоевского даже на минуту... Отсюда его неприязнь и пренебрежение ко всякой надежде что-либо улучшить посредством частных изменений, отсюда вражда к нашим партиям прогрессистов и западников. Созерцая лишь общее, он от действительности непосредственно переходил к предельному в идее, и первое, что находил здесь, – это надежду с помощью разума возвести здание человеческой жизни настолько совершенное, чтобы оно дало успокоение человеку, завершило историю и уничтожило страдание. Критика этой идеи проходит через все его сочинения.»

С одним уточнением: мечта эта, или идея, при всей отмеченной Розановым отделенности от преимущественно дискутируемой в эти годы на страницах отечественной печати проблематики, отнюдь не была отделена от самой жизни, как это часто бывает в подобных случаях. Напротив, реалии того конкретного времени в ней самым тщательным образом учтены – и именно такими, какими они только и должны были представляться верующему человеку, к тому же прекрасно ориентирующемуся в содержании Писаний. Другое дело, что используется им тут все это для озвучивания совсем других идеалов и утверждения правомерности совсем другого будущего, чем обетовано было человеку и человечеству Его Откровением.

Естественно напрашивающийся вопрос: возможно ли, чтобы верующий человек мог мечтать о чем-то другом, иметь какие-то другие идеалы и виды на настоящее и будущее человеческого общежития, отличные от того, что сказано по этому поводу в Писаниях? Очевидно может, о чем Легенда Достоевского со всей очевидностью, полагаю, свидетельствует. Скажем больше, ничего другого и не приходится ожидать от того, кто, подобно нашему автору, руководствуется в своем мировоззрении сугубо гуманистическими представлениями о добре и зле, преступлении и наказании, функции страдания и роли жалости в жизни человека и общества. Другими словами, поскольку и если он не обращен к Богу и Его откровению. Ведь там, где нет обращения, не приходится говорить и об исповедании Его планов Домостроительства. Но в таком случае уже просто неизбежны попытки конструирования некоего альтернативного будущего и не менее альтернативного настоящего, из которого могло бы следовать такое будущее, в которых такой верующий мог бы обрести способный удовлетворить его суррогат

безболезненного продолжения своего существования, на худой конец – безболезненного прекращения этого существования.

Известны, правда, неоднократные свидетельства самого Достоевского в том духе, что существование Божие отнюдь не является для него очевидностью. В подтверждение можно сослаться, например, на такое его признание, сделанное в письме Майкову Ап. Н. от 25 марта 1870 г. по поводу содержания задуманного им тогда романа «Житие великого грешника»: «Главный вопрос, который проведется во всех частях – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь – существование Божие». Яснее вроде не скажешь. Можно показать, однако, что на самом деле речь здесь все-таки не об этом. То, чем мучается (мучился) на самом деле Достоевский, отнюдь не вопрос о существовании Божьем, в какое, повторю еще раз, он ни на минуту не переставал верить, а его собственная неспособность совместить свои, настоянные на гуманизме представления о справедливом по определению Боге, с той совершенно не отвечающей этим представлениям реальностью, в какой пребывает изначально Его творение. Прежде всего, конечно, – с реальностью, разворачивавшейся буквально на его глазах, принимавшей ежедневно и поминутно форму свершившихся фактов. Ввиду чего, собственно, и возникла необходимость в Легенде, в которой это его несогласие получило свое законченное не только поэтическое, но и теоретическое оформление и обоснование.

Хотя есть в этих его признаниях и второй смысл, наличие которого также не приходится отрицать. Продиктован он, однако, уже конформистскими соображениями. Я имею в виду чисто показную демонстрацию сомнения в существовании Божьем, подобную демонстрации им несогласия и с изложенным в Легенде мировоззрением, можно привести примеры. Таково было тогда настроение общественного мнения и реакция его для Достоевского была далеко не безразличной. Да по-другому и не могло быть, если иметь в виду, ко всему прочему, еще и его установку на жизнь среди людей и по установленным в этом общежитии правилам.

Обсуждение вопроса о данного рода авторстве Достоевского в отнесении Легенды имеет смысл, однако, отложить до того момента, когда у нас появится возможность сопоставить принципы этики, исповедуемой Инквизитором, с известной нам позицией по всем этим вопросам самого Достоевского. Пока же примем этот тезис, так сказать, авансом. Вкупе еще с одним: Иван с его представлениями о том, что хорошо и что плохо в этом мире – тоже Достоевский. И об этом мы тоже будем говорить в свое время.

А сейчас займемся самой Легендой, посмотрим, что она собой представляет в свете предпринятой выше попытки реконструкции подлинно Новозаветных представлений об обращении к Господу и Его исповедании. Или, можно еще сказать, с точки зрения христианина, имея в виду, опять же, содержание этого понятия (христианин, христианство), следующее из сказанного об этом выше. Будет изложен и текст Легенды с известными, правда, купюрами, но в целом, надеюсь,

дающий достаточное представление об обсуждаемом здесь предмете.

Начать естественно со сцены в трактире (с чего начинает и сам Достоевский), где за перегородкою впервые сходятся для откровенной беседы два брата, два религиозных прагматика, будем так говорить, каждый на свой лад исповедующий живого Бога. Это любимый послушник старца Зосимы Алеша, посланный им в мир и только еще готовящийся, по существу, вкусить от его искушений, и старший его годами и опытностью в этой жизни Иван. «Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота.» Такова исходная диспозиция предстоящего диалога, как ее определяет упомянутый Иван. «Разрешить» – в данном случае, обоим понятно, означает столкнуть два уже имеющих у каждого из них заведомо не совпадающих решения этих вопросов (два «как вернуть»). Тогда «забота» может состоять лишь в том, чтобы привести с каждой стороны наиболее весомую аргументацию. И несравненно более опытный и поднаторевший в подобных дискуссиях Иван здесь не без основания рассчитывает преуспеть.

Но это еще и диалог между автором и читателем (одно в данном случае, предполагает другое), в котором автор проводит с читателем интенсивную подготовительную работу, имея в виду настроить его на адекватное – в соответствии с его пониманием, конечно – восприятие поэмы, поставить на свою точку, как он это называет. И тоже рассчитывает преуспеть. Главный вопрос, который он пытается при этом решить, это сформировать у читателя некое новое представление о мере творимых в нашей сугубо мирской жизни, а равно и в истории, добра и зла. Новое в данном случае в сравнении с Писаниями, где такой мерой является Сам Всевышний. То есть, хорошо все то, что согласуется с Его волей и плохо все то, что с Его волей не согласуется. Этот последний критерий различения добра и зла автор наш решительно не принимает. Но таким образом он отвергает и порядок отношений между человеком и Богом, который установлен Им согласно имеющемуся Откровению. Ибо означенный порядок до мельчайших подробностей базируется именно на данном, отвергаемом Достоевским, критерии.

А что же тогда для него да является таким критерием? Как уже должно быть понятно из сказанного выше, для нашего автора таким критерием, или мерой добра и зла может быть только человек, конечно, в сугубо мирском представлении этого понятия, о чем он не устает говорить и что полагает в основу возводимого им здания новой этики. Наиболее рафинированное выражение этой новой меры, естественно, можно сказать, ставит во главу угла слезу ребенка. Притом, повторю еще раз, что автор наш безоговорочно верует в Его существование и существующий мировой порядок как результат Его свободного творчества. Вот как он формулирует эту свою позицию приятия-неприятя Бога-Отца устами одного из участников состоявшегося диалога Ивана:

«Принимаю Бога, и не только с охотой, но, мало того, принимаю

и мудрость Его, и цель Его, нам совершенно уже неизвестные, верую в порядок, в смысл жизни, верую в вечную гармонию, в которой мы будто бы все сольемся, верую в Слово, к которому стремится вселенная и которое само «бе к Богу» и которое есть само Бог, ну и прочее и прочее, и так далее в бесконечность. Слов -то много на этот счет наделано. Кажется, уж я на хорошей дороге - а? Ну так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого Божьего - не принимаю и хоть знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять... Вот моя суть, Алеша, вот мой тезис. Это уж я серьезно тебе высказал.»

«Не принимаю», «не могу согласиться принять», «хоть и знаю, что Он существует» и все потому, что «в окончательном результате» мир этот не соответствует моим представлениям о справедливости. Вот позиция Ивана вместе с Достоевским, вместе, как будет показано далее, и с Инквизитором, о чем выше в этой связи уже говорилось. Вместе с тем, естественно, казалось бы, следующий из этого вопрос, стоит ли в таком случае вообще жить? перед автором, насколько можно судить, даже не возникает. Жизнь для него - необсуждаемая ценность, то есть, жить надо, несмотря ни на что. Но тогда первостепенное значение приобретает другой вопрос: ради и во имя чего жить? Не забудем, предлагаемого Господом решения этого вопроса он категорически не приемлет.

Легенда как раз и представляет собой результат поисков выхода из создавшегося положения, итог проводившихся Достоевским изысканий в этом направлении на протяжении всей его жизни. В ней автор устами сначала Ивана, а потом и Инквизитора, формулирует свое, отличное от данного в Откровении, представление о смысле человеческого существования и его здесь, на земле, предназначении. В соответствующем его фантазиям человеческом общении, можно уже предвидеть, отвергаемый в Своем творении Бог вместе с обетованным Им Царством будет, по возможности, вынесен за скобки. Что же касается истории, то ей предопределено здесь вершиться кучкой управленцев, поставивших себя, по существу, на Его место, пусть только в одном этом отношении - как это обычно бывает в подобных случаях. В позиции Достоевского имеется, однако, и особенность, существенно выделяющая ее (и его) из этого ряда. Именно, его управленцы должны при всем том осознавать всю меру своей ответственности за содеянное перед Господом и быть готовыми в конечном счете предстать перед Его судом. Но об этом в свое время.

«Я хотел заговорить о страдании человечества вообще, - говорит далее Иван - но лучше уж остановимся на страданиях одних детей... Во-первых, деток можно любить даже и вблизи, даже и грязных, даже и дурных лицом (мне, однако же, кажется, что детки никогда не бывают дурны лицом). Во-вторых, о больших я и потому еще говорить не буду, что кроме того, что они отвратительны и любви не заслуживают, у них есть и возмездие: они съели яблоко, и познали

добро и зло, и стали «яко бози». Продолжают и теперь есть его. Но деточки ничего не съели и пока еще ни в чем не виноваты. Любишь ли ты деток, Алеша? Знаю, что любишь, и тебе будет понятно, для чего я про них одних хочу говорить. Если они на земле тоже ужасно страдают, то уж, конечно, за отцов своих, наказаны за отцов своих, съевших яблоко, – но ведь это рассуждение из другого мира, сердцу же человеческому здесь, на земле, непонятное. Нельзя страдать неповинному за другого, да еще тактму неповинному! Подивись на меня, Алеша, я тоже ужасно люблю деточек.»

Здесь два момента, на которые нам следует обратить внимание. Прежде всего – та роль, которая отведена в данном случае Достоевским сердцу человека в определении им своей мировоззренческой позиции. И второе – разрешение этим способом конкретной дилеммы: можно – нельзя страдать неповинному за другого. Сердце нашего автора совершенно однозначно утверждает: нет, нельзя. Разум, правда, говорит ему нечто другое, но он следует одному только сердцу, не желая понимать и принимать то, что могло бы ему противоречить. Когда это с ним произошло? Ведь не родится же человек вот так, сразу, с намерением жить одним только сердцем. А кроме того, как известно, в ранней своей молодости не чуждался он и чисто духовных устремлений, во всяком случае, не отвергал их окончательно, как это имеет место в данном случае.

Есть соблазн отнести этот перелом к тому потрясению, которое пережил наш автор в момент имитации исполнения вынесенного ему смертного приговора «расстрелянием», состоявшегося петербургским утром 22 декабря 1849 года. Это свое состояние Достоевский подробно описал в «Идиоте», где князь Мышкин передает рассказ лица, ожидавшего расстрела в течение двадцати минут и затем помилованного: «Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь – какая бесконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил.»

Обратите внимание: «я», «мое», «мне» – и ни слова о Боге. Что же тогда не даром? Для какой цели будет в таком случае обращена в век отныне каждая дарованная ему минута этой суетной жизни? Разъяснение мы находим в письме к брату, написанном в тот же вечер, после только что пережитого перед лицом смерти: «Жизнь, везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях не унывать и не пасть, – вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я осознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да! Правда!»

Вот она цель: быть и оставаться человеком между людьми навсегда. Надо понимать – соответствовать принятому в его среде идеалу человека. Причем, если раньше еще посещали его на этот счет

какие-то сомнения, то теперь это окончательно, навсегда. В этом отныне он видит свое предназначение. И не только свое, но и любого образованного человека, о чем не устают говорить всем своим творчеством до последней его страницы. Вот, например, что пишет Достоевский Каткову об убийстве, совершенном героем романа «Преступление и наказание», имея в виду раскрытие главной его идеи: «Тут-то и разворачивается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы встают перед убийцею, не подозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божья правда, земной закон берет свое, и он кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть на каторге, но примкнуть опять к людям. Чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое.»

«Божья правда» упомянута здесь, конечно, всуе. Свое берет именно земной закон, ибо замучило героя романа чувство разъединенности отнюдь не с Богом, а с человечеством, и принужден он сам на себя донести, опять же, единственно ради того, чтобы опять примкнуть к нему. И чтобы уж совсем не было никакого сомнения на этот счет, обратите внимание: Соня в его романе зовет Раскольникова покаяться отнюдь не перед Богом, но на площадь, перед народом Русским. В Легенде Достоевский идет еще дальше. Герой его здесь уже не просто делает выбор в пользу народа, но и встает во главе его, имея в виду по-своему разрешить его судьбу.

И что поразительно – я вновь и вновь возвращаюсь к этому обстоятельству – при полном сознании того, что, как ни растягивай минуты, придется ведь, в конечном счете, давать отчет перед Его судом за сделанный выбор. И все потому, что жажда жизни в миру и по законам этого мира, как уже говорилось выше, взяла у него окончательный верх над разумом. А Библия, напомню, обращена именно к разуму человека, его способности непредвзятого осмысления своего положения в этом мире. Во всяком случае – в первую очередь к разуму. И только после того, как сказанное Им слово будет таким образом усвоено, только после этого можно будет говорить и о принятии его еще и сердцем, или в сердце человека – через очищение этого сердца от господствующего в нем зла, каким представляются, согласно Новому Завету, уже сами помыслы о возможности противления Божьей воле. То, что определяется еще как покаяние. Вот это покаяние Достоевский и отвергает в приведенном здесь последнем отрывке из состоявшегося между братьями диалога. Отвергает также навсегда, как и в процитированном выше письме к брату, где он признается в своем намерении оставаться навсегда человеком между людьми. Одно следует из другого. На эту то «свою точку», до деталей противоположную Библейской, он и пытается здесь поставить Алешу, а в его лице, надо понимать, и всех нас. И делает он эту свою черную, как уже понятно, думаю, работу мастерски, воздадим ему должное. Один набор примеров чего стоит. Я имею в виду прежде всего тот их ударный ряд, на который возложена здесь главная

доказательная нагрузка. Вот они по порядку.

- Образованный господин и его дама секут собственную дочку, младенца лет семи розгами. Папенька рад, что прутья с сучками: «Садче будет», говорит он, и вот начинает «сажать» родную дочь. Секут минуту, секут наконец пять минут, секут десять минут, дальше, больше, чаще, садче. Ребенок кричит, ребенок, наконец, не может кричать, задыхается: «Папа, папа, папочка, папочка». В другой раз почтенные, образованные и чиновные родители возненавидели почему-то своего ребенка, пятилетнюю девочку. Они били, секли, пинали ее ногами и, наконец, даже дошли до того, что в холод запирали ее на всю ночь в отхожее место, и за то, что она не просилась ночью, - за это обмазывали ей все лицо калом и заставляли ее есть этот кал, и это мать, мать заставляла! И эта мать могла спать, когда ночью слышались стоны бедного ребеночка, запертого в подлом месте! Понимаешь ли ты это, - говорит Иван, - когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ней делается, бьет себя в подлом месте, в темноте и в холоде, крошечным своим кулачком в надорванную грудку и плачет своими кровавыми незлобливими кроткими слезками к «Боженьке», чтобы Тот защитил его, - понимаешь ли ты эту ахинею, друг мой и брат мой, послушник ты мой Божий и смиренный, понимаешь ли ты, для чего эта ахинея так нужна и создана? Без нее, говорят, и пробыть бы не мог человек на земле, ибо не познал бы добра и зла. Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «Боженьке». Я не говорю про страдания больших, те яблоко съели и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял, но эти, эти! Мучаю я тебя, Алеша? Ты как будто не в себе? Я перестану, если хочешь.

- Ничего, я тоже хочу мучиться, - пробормотал Алеша.

- Одну, только одну еще картинку, - продолжает неудержимо Иван, - это было в самое мрачное время крепостного права. Был тогда в начале столетия один генерал, богатейший помещик... И вот дворовый мальчик, маленький мальчик, всего восьми лет, пустил как-то, играя, камнем и зашиб ногу любимой генеральской гончей... Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидел в кутузке, наутро чем свет выезжает генерал во всем параде на охоту, сел на коня, кругом него приживальщики, собаки, псари, ловчие, все на конях. Вокруг собрана дворня для назидания, а впереди всех мать виновного мальчика. Выводят мальчика из кутузки. Генерал велит раздеть его донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть... «Гони его!» - командует генерал. «Беги, беги!» - кричат ему псари, мальчик бежит... «Ату его!» - вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори!

Вопрос, как видим, поставлен ребром, ибо нравственное чувство, к которому апеллирует сейчас Иван, и есть тот самый закон человеческого общежития, исповедание которого только и позволяет расчи-

тивать на признание своим в этом мире – идея, вошедшая в плоть и кровь Достоевского, по его собственному признанию, после известного поворотного события в его жизни (см. выше). Мы вправе ожидать сейчас от Алеши, как «послушника Божьего и смиренного» апелляции к Божьему закону и Его суду. Этого, однако, не происходит.

– Расстрелять! – тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата.

– Bravo! – завопил Иван в каком-то восторге, – уж коли ты сказал, значит... Ай да схимник!..

– Я сказал нелепость, но...

То-то и есть, что но... Я ничего не понимаю, – продолжал Иван как бы в бреду, я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу оставаться при факте. Я давно решил не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчас же изменю факту, а я решил оставаться при факте...

«Я хочу оставаться при факте. Я давно решил не понимать» – еще одна формулировка все того же нежелания руководствоваться доводами разума, для которого естественно как раз стремление к осмыслению фактов. И не только лишь в контексте земных отношений, о чем, по существу, говорит здесь Иван, но и обязательно в контексте взаимоотношений земного и Небесного. Ведь в священной истории каждый такой факт существует именно в такой связи – связи земного и Небесного, – и только в ней обретает подлинное свое содержание и смысл. Иван же все приведенные им факты из этой последней связи намеренно изымает. И как следствие этой непримиримой оппозиции Богу и Библии – вот он, знаменитый принцип того нового исповедания, которое далее в Легенде находит свое систематическое обоснование и оправдание:

– Иной шутник скажет, пожалуй, что все равно дитя вырастет и успеет нагрешить; но вот же он не вырос, его восьмилетнего затравили собаками. О Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я, каково должно быть сотрясение вселенной, когда все на небе и над землею сольется в один хвалебный глас и все живое и жившее воскликнет: «Прав Ты, Господи, ибо открылись пути твои!» Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: «Прав Ты, Господи», то уж, конечно, настанет венец познания и все объяснится. Но вот тут-то и запятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на земле, я спешу взять свои меры... Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезками своими к «Боженке»! Не стоит потому, что слезки его остались неисккупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии.

Достоевскому, как видим и о чем уже говорилось выше, мало исполнения Божьей правды. У него есть еще и своя правда, человеческая. И даже если Божья правда будет исполнена, этого недостаточно, пока не исполнится еще и его правда. В первую очередь – его, иначе не

может быть и гармонии. Краеугольный камень новой (неэвклидовой, если следовать принятой Иваном терминологии) этики, таким образом, можно считать, заложенным. Отныне новая мера добра и зла – слеза ребенка. Соответственно формулируется и новая цель, предназначение творения – счастье этих детей, в их земной жизни, разумеется. И если нынешний мир пропитан их слезами, если правда самого Достоевского не исполняется, то и Божья правда, обетованная Им гармония не имеет права на существование. Не больше, не меньше. Но это не что иное, как объявление импичмента, так сказать, Самому Господу, как оказавшемуся не в состоянии удовлетворить в Своем творении этому новому объявленному Достоевским критерию и соответствующей новой желаемой им гармонии.

Кстати, Алеша, похоже, и на самом деле оказался подвинут в своих воззрениях. Я имею в виду кульминацию диалога, где на восклицание Алеши: «Это бунт» – Иван во второй раз ставит вопрос ребром и уже не по поводу того или иного отдельного эпизода, но Божьего творения в целом:

– Скажи мне сам прямо, я зову тебя – отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотмщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

– Нет, не согласился бы, – тихо проговорил Алеша.

Он, правда, тут же спохватывается и пытается взять сказанное обратно. Но это, в общем-то, уже не так важно. Главное – задача, которую ставил на этом этапе перед собой Иван, в принципе разрешима даже в таком, в некотором роде крайнем случае. И можно, стало быть, перейти уже к изложению самой Легенды. Подобно тому, как это было сделано в случае предшествующего диалога, я перепису самую ее суть. Ибо мы все-таки имеем дело с произведением художественной литературы со всеми следующими отсюда для решаемой тут нами задачи осложнениями. При этом я попытаюсь вычленить сугубо богословское содержание Легенды, отсекая прочие поползновения, в основном в области более или менее специфических проблем психологии и философии. Богословское содержание в ней, кстати, и единственное, обнаруживающее выраженную тенденцию к формальной завершенности, что придает ему дополнительный интерес.

Итак, Легенда.

– Видишь, – приступает Иван, – действие у меня происходит в шестнадцатом столетии, а тогда, – тебе, впрочем, это должно быть известно еще из классов, – тогда как раз было в обычае сводить в поэтических произведениях на землю Горние силы... У меня на сцене появляется Он; правда, Он ничего и не говорит в поэме, а только появляется и проходит. Пятнадцать веков уже минуло тому, как

Он дал обетование прийти в Царствии Своем, пятнадцать веков, как пророк Его написал: «Се грядущи скоро»... Но человечество ждет Его с прежнею верой и с прежним умилением. О, с большею даже верой, ибо пятнадцать веков минуло с тех пор, как прекратились залогом с Небес человеку... И вот Он возжелал появиться хоть на мгновение к народу – к мучающемуся, страдающему, смрадно-грешному, но младенчески любящему Его народу. Действие у меня в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу Божию в стране ежедневно горели костры... Он появился тихо, незаметно, и вот все – странно это – узнают Его... Народ непобедимой силой стремится к Нему, окружает Его, нарастает кругом Его, следует за Ним. Он молча проходит среди них с тихой улыбкой бесконечного сострадания... Вот из толпы восклицает старик, слепой с детских лет: «Господи, исцели меня, да и я Тебя узрю», и вот как бы чешуя сходит с глаз его, и слепой Его видит. Народ плачет и целует землю, по которой идет Он. Дети бросают перед Ним цветы, поют и вопиют Ему: «Осанна!» «Это Он, Сам Он, – повторяют все, – это должен быть Он, это никто как Он». Он останавливается на паперти Севильского собора в ту самую минуту, когда в храм вносят с плачем детский открытый белый гробик: в нем семилетняя девочка, единственная дочь одного знатного гражданина. Мертвый ребенок лежит весь в цветах. «Он воскресит твое дитя», – кричат из толпы плачущей матери... Она повергается к ногам Его: «Если это Ты, то воскреси дитя мое!» – восклицает она, простирая к Нему руки. Процессия останавливается, гробик опускают на паперть к ногам Его. Он глядит с состраданием, и уста Его тихо и еще раз произносят: «Талифа куми» – «и восста девица». Девочка поднимается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивленными раскрытыми глазами кругом... В народе смятение, крики, рыдания, и вот, в эту самую минуту, вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал, Великий Инквизитор (с большой буквы, это ему здесь еще и вместо имени и фамилии – М. З.)... Он все видел, он видел, как поставили гроб у ног Его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурит седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять Его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа медленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на Него руки и уводят Его. Толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли перед старцем Инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо. Стража проводит Пленника в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании Святого судилища и запирает в нее. Проходит день, наступает темная, горячая и «бездыханная» севильская ночь. Воздух «лавром и лимоном пахнет». Среди глубокого мрака вдруг открывается железная дверь тюрьмы, и сам старик Великий Инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо Его. Наконец тихо подходит, ставит светиль-

ник на стол и говорит Ему: «Это Ты? Ты? – Но не получая ответа, быстро прибавляет: – Не отвечай, молчи. Да и чего бы Ты мог сказать? Я слишком знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать и Сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра?.. Завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который целовал Твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к Твоему костру угли, знаешь ли Ты это? Да, Ты, Ты, может быть это знаешь... Тебя предупреждали, – говорит он Ему, – Ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но Ты не послушал предупреждений, Ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми... Зачем же Ты пришел нам мешать?»

– А что значит: не имел недостатка в предупреждениях и указаниях? – спросил Алеша.

– А в этом-то и состоит главное, что старику надо высказать.

«Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, – продолжает старик, – великий дух говорил с Тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы «искушал» Тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил Тебе в трех вопросах и что Ты отверг, и что в книгах названо «искушениями»?.. Реши же Сам, кто был прав: Ты или тот, который тогда вопрошал Тебя? Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: «Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить... А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за Тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отнимишь руку Свою и прекратятся им хлебы Твои». Но Ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли, и сразится с Тобю, и победит Тебя, и все пойдут за ним... Знаешь ли Ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» – вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится Храм Твой... Ты обещал им хлеб Небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагодарного людского племени с земным? И если за Тобю во имя хлеба Небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для Небесного? Иль Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны

и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов... Но мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом и будет заключаться наше страдание... Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою. Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея в реководстве Твоей образ перед собою... Но повторяю, много ли таких, как Ты? И неужели Ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение?.. Да и неужто же и впрямь приходил Ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна, и нам не понять ее. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать тайну и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слепо даже мимо их совести. Так мы и сделали... И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо... Правы ли мы были, уча и делая так, скажи?.. И я ли скрою от Тебя тайну нашу? Может быть, Ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с Тобою, а с ним... Мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и доньше не успели еще привести наше дело к полному окончанию... А между тем Ты бы мог еще и тогда взять меч кесаря. Зачем Ты отверг этот последний дар?.. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли Тебя и пошли за ним... Ты гордишься Своими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоим всех. Да и так ли еще: сколь многие из этих избранников, из могучих, которые могли бы стать избранниками, устали наконец, ожидая Тебя, и понесли и еще понесут силы духа своего и жар сердца своего на иную ниву и кончат тем, что на Тебя же и воздвигнут свободное знамя свое... У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе Твоей повсеместно... Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой Небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они. Говорят и пророчествуют, что Ты придешь и вновь победишь, придешь со Своими избранниками, со Своими гордыми и могучими, но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех... И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем перед Тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь». Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую Ты благословил людей, и я готовился стать в число избранных Твоих, в число могучих и сильных с жадой «восполнить

число». Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили подвиг Твой. Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю Тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю Тебе, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру Твоему, на котором сожгу Тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это Ты...»

- Но... это нелепость! - вскричал Алеша, краснея. - Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того. И кто тебе поверит о свободе? Так ли, так ли надо ее понимать!.. Да и совсем не может быть такого фантастического лица, как твой Инквизитор. Какие это грехи людей, взятые на себя? Какие это носители тайны, взявшие на себя какое-то проклятие для счастья людей? Когда они виданы?.. Твой страдающий Инквизитор одна фантазия...

- Да стой, стой, - смеялся Иван, - как ты разгорячился. Фантазия, говоришь ты... Видишь: предположи, что нашелся хотя один из всех этих желающих одних только материальных и грязных благ - хоть один только такой, как мой старик Инквизитор, который сам ел коренья в пустыне и бесновался, побеждая плоть свою, чтобы сделать себя свободным и совершенным, но, однако же, всю жизнь свою любивший человечество и вдруг прозревший и увидавший, что невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли с тем, чтобы в то же время убедиться, что миллионы остальных существ Божиих остались устроенными лишь в насмешку, что никогда не в силах они будут справиться со своей свободой... что не для таких гусей Великий Идеалист мечтал о Своей гармонии. Поняв все это, он воротился и примкнул... к умным людям. Неужели этого не могло случиться? Но разве это не страдание, хотя бы для такого, как он, человека, который всю жизнь свою убил на подвиг в пустыне и не излечился от любви к человечеству? На закате дней своих он убеждается ясно, что лишь советы великого страшного духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить в сносном порядке малосильных бунтовщиков, «недоделанные пробные существа, созданные в насмешку». И вот, убедясь в этом, он видит, что надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения, а для того принять ложь и обман и вести людей уже сознательно к смерти и разрушению, и притом обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут, для того чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми. И заметь себе, обман во имя Того, в идеал Которого столь страстно веровал старик во всю свою жизнь! Разве это не несчастье?..

- Чем же кончается твоя поэма? - спросил Алеша, смотря в землю, - или уж она кончена?

- Я хотел ее кончить так: когда Инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что Пленник его ему ответит. Ему тяжело Его молчание. Он видел, как Узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы Тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и

горькое, страшное. Но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит Ему: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!» И выпускает Его на «темные стогна града». Пленник уходит.

- А старик?

- Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее.

- И ты вместе с ним, и ты? - горестно восклицает Алеша.

Добавлю от себя: вместе с ним и Достоевский, без сомнения, устами Инквизитора высказавший здесь свое сокровенное. И более того, очень похоже, что в Легенде мы имеем дело не с чем иным, как с изложением проигранной, надо полагать, не единожды в его воспаленном воображении его собственной встречи со Христом.

Такова Легенда, если отбросить уводящие в сторону подробности. А теперь еще несколько соображений к вопросу об авторстве (в дополнение к сказанному уже об этом выше). Напомню на всякий случай: речь идет о том, от чьего имени говорит Инквизитор, рупором чьих именно идей выступает на самом деле. Необходимость разобраться с этим вопросом диктуется, в частности, тем обстоятельством, что число почитателей таланта Достоевского в мире неумолимо растет, а значит, растет и число тех из них, для кого он становится еще и учителем жизни.

Он и сам не чурался этой своей миссии. Вот, например, как он формулирует для себя свое писательское кредо в записной тетради: «В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея, и непременно указующий перст, страстно приподнятый.» И на самом деле, его страстно приподнятый перст стал подлинно указующим уже для известной части его современников, во всяком случае, не остался ими незамеченным. Правда, как правило, - совсем не теми, кого в первую голову наш автор имел в виду, и уж совсем с непредвиденными и определенно не желанными для него последствиями. Это, к слову, еще одна проблема, еще один кошмар, который, наряду с безденежьем, преследовал его на протяжении всей его жизни, в отличие от последнего, еще и ни на минуту не ослабевающая.

Я имею в виду отсутствие понимания его со стороны общества с первых буквально его шагов в литературе, при том, что собственно вниманием разного рода он обделен никогда не был. Сошлюсь лишь на одно свидетельство, но уж очень показательное в связи с только что сказанным, в нашем случае будет и достаточно. Корректор типографии, в которой печатался «Гражданин», молодая девушка В. В. Тимофеева, много лет спустя так вспоминала о своих встречах с Достоевским, бывшим тогда редактором этого журнала, и своем знакомстве с его творчеством: «Кто знает,.. может быть именно он вывел всех нас из нормы и до того пронизал нам душу любовною жалостью, состраданием ко всему страдающему, что нам сделалось тесно в семье, и все больное, забитое и приниженное стало нам близко и родственно как

свое!»

Процитированная Тимофеева – в виду чего я и остановился на этом примере – принадлежала кругу тогдашних молодых людей, исповедовавших социализм и демонстративно отвергавших Бога. «Вывел нас всех из нормы» для этой прослойки общества, понятно, могло тогда иметь только одно продолжение: переход от разговоров о светлом в их специфическом понимании будущем к практической деятельности по его приближению. Результаты более чем известны. Оно и не удивительно, ибо сдвинуть того или иного с его точки еще совсем не означает поставить на свою, как это имел в виду Достоевский. Второе, как правило, значительно сложнее. Настолько сложнее, что, в отличие от, например, подвизавшегося на той же ниве его младшего современника Л. Толстого, о подлинных последователях Достоевского мне, по крайней мере, слышать не приходилось. Но это, повторю еще раз, всего лишь к слову.

Вернемся, однако, к проблеме авторства. Наиболее простое, лежащее, так сказать, на поверхности ее решение – сослаться на последнее восклицание Алеши, обращенное к Ивану: «И ты вместе с ним, и ты». Если присовокупить к тому же свидетельство дочери Достоевского, согласно которому в Иване, по преданиям семьи писателя, он изобразил самого себя в свои молодые годы, то круг, можно сказать, замкнулся. Иван, как только что сказано, вместе с Инквизитором, Достоевский вместе с Иваном, во всяком случае в том, что касается равнодушия к судьбам невинно осужденных на страдания, и через него, опять же, с Инквизитором. Такая своеобразная троица, место Святого Духа в которой – то есть, силы, воплощающей планы Отца (в данном случае, Достоевского), – отведено здесь Инквизитору, а роль Сына, несущего эти идеи в массы, призван сыграть Иван, который может вполне повторить в этом своем положении вслед за Иисусом: я и отец – одно. Алеша же – представитель той самой интеллигенции, с которой Достоевский прежде всего связывал свои надежды на будущее.

Можно подойти к дискутируемой здесь проблеме авторства и с другой стороны. Попробуем сейчас сравнить принципы мировоззрения Достоевского с теми идеями, которые были положены Инквизитором в основу его концепции морали и планов переустройства взаимоотношений между человеком и Богом, реализованных в его состоявшемся на тот момент царстве. Выявленные тут совпадения, думаю, будут куда более убедительным свидетельством в пользу высказанного уже неоднократно ранее предположения об органичности этих планов нашему автору, чем любые имевшие место заявления его самого о ему их неорганичности – против. Это и будет тем, что называется аргументацией по существу, что в данном случае, безусловно, желательно. Перечислю коротко некоторые из таких совпадений.

Первостепенное значение в этом сравнении имеет, безусловно, решение тем и другим вопроса об отношении к хлебам. С него и начнем. О том, что думает по этому поводу Инквизитор, мы уже говорили. Но образ «камни в хлебы» давно уже облюбовал для своих целей и

Достоевский. Смысл его он поясняет так: «Камни в хлебы – значит теперешний социальный вопрос... Это всегда было: дай пищу всем, обеспечь их, дай им такое устройство социальное, чтоб хлеб и порядок у них были всегда – тогда уж можно и спрашивать, ибо главные пороки и беды человека произошли от голоду, холоду, нищеты и их невозможности борьбы за существование». Как видим, откровенная солидаризация с Инквизитором, а в конечном счете – и с дьяволом, на которого ссылается и за которым следует, по его же собственному признанию, Великий Инквизитор. Но, как говорит Достоевский: «это всегда было», то есть, народ всегда предпочитал хлебы. Да и не может быть иначе, поскольку и если подобные вопросы отдаются на усмотрение народа. Народ, подавляющее большинство его во всяком случае, однозначно предпочитает хлебы. И это в свою очередь – я говорю сейчас о воле большинства – представляет собой сильнейший соблазн, сильнейшее, пожалуй, самих хлебов искушение, способное отвлечь человека от Господа. Ни сам Достоевский, ни его Инквизитор претерпеть это искушение оказались не в состоянии.

Непосредственно следующий вопрос – о высшей нравственной идее, или задаче, которая, пусть и во вторую очередь, должна все-таки определять повседневное поведение человека. В отсутствии такой положительной идеи Достоевский видит начало зла. Без нее, он считает, нет ни человека, ни семьи, ни общества, ни нации, ни понимания между ними. Хотя идей хоть отбавляй и все сваливаются на человека как камни, что ни идея, то разрушительная. Напрашивается сравнение с тем, что происходит с идеей положительного героя в литературе. Как писал все тот же Достоевский любимой племяннице Сонечке: «Все писатели, не только наши, но даже европейские, кто только ни брался за изображение положительного прекрасного – всегда пасовали. Потому что это задача безмерная... На свете есть одно только положительное прекрасное лицо – Христос». Но тогда единственной положительной идеей – напрашивается продолжить – может быть только идея Его Царствия. Достоевский, между тем, продолжить идею Христа до идеи обетованного Им Царствия категорически отказывается. Для него, как и для Инквизитора, неприемлемо Царствие для немногих избранных, противопоставляемых тысячам миллионов званых, созданных, по выражению Ивана, как бы в насмешку. Однако, невозможно отвергнуть Его Царствие, не отвергнув одновременно и Его Самого, что на деле и происходит («Ступай и не приходи более... никогда, никогда!») Притом, что, как уже говорилось, идея Бога ими не отвергается. В итоге им обоим не остается другого, как заняться выдумыванием некоего удовлетворяющего их претензиям альтернативного царствия, а вместе с ним – и альтернативного бога, существование которого, однако, уже не вступало бы в противоречие с их планами. Им может стать и Иисус – при условии, что уже никогда более не придет «нам мешать».

Искупительная роль страдания – еще одна идея, общая как Достоевскому, так и его Инквизитору. Точнее, следует говорить об очищении страданием. Против этого не приходится возражать, поскольку и

если в расчет берется лишь вина перед людьми только, как результат совершения поступков, порочащих человека в их глазах и, как следствие, делающих его неприемлемым в их обществе. Перенесенные страдания в таком случае и на самом деле способны реабилитировать бывшего преступника и он вновь будет принят там, откуда ранее был изгнан. В качестве примера естественно будет тут сослаться на наказание, понесенное самим Достоевским в виде четырехлетней каторги и последовавших затем солдатчины и жизни на поселении. На этом же примере наглядно иллюстрируется и результат состоявшегося очищения страданием. Я имею в виду оказанный Достоевскому прием после его возвращения отвергнувшим его ранее обществом, включая в конечном счете и самого царя, в заговоре против которого, собственно, и состояло предъявленное ему обвинение.

Достоевский идет еще дальше. Существенным обстоятельством в этих вопросах является для него, кроме того, еще и нечистая совесть, которая делает человека непримлемым уже для него самого. Решение этой последней проблемы он видит, опять же, в страдании, но таком, которое человек назначает себе сам и которое, будучи перенесено, способно вновь привести его в согласие с самим собой. Но то же самое и Инквизитор: принятое им на себя страдание было призвано, без сомнения, очистить в том числе и его совесть, дабы прийти в согласие с самим собой, утраченное после имевшего место отступничества от следования мирским идеалам.

Еще одна общая идея Достоевского и Инквизитора – о долге образованной части общества перед народом и необходимости пожертвовать собою ради его благополучия. Речь, по существу, о тех же добровольно возлагаемых на себя страданиях (см. выше), предназначением которых становится, однако, уже не самоочищение, но самопожертвование ради счастья других. Из «Зимних заметок о летних впечатлениях»: «Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер – все это можно сделать только при самом сильном развитии личности.»

В текущей жизни такое доступно лишь сравнительно небольшой части общества, отличие которой состоит в способности принять эту версию человеческого совершенства. Это как раз те «умные люди», к каким «воротившись», примкнул Инквизитор. Отсюда идея о необходимости самопожертвования именно их в пользу остальной, не столь просвещенной человеческой массы – ради удовлетворения общей им всем потребности в хлебах и некой единящей идее, о чем говорилось выше. А отсюда и надежду, и упование на осуществление этих планов имеет смысл возлагать на готовность и способность к такому самопожертвованию именно этой образованной и понимающей части. В миру готовность этого рода именуют еще состраданием, причем еще и деятельным, в отличие от не деятельного – так называемого, сочув-

ствия, не предполагающего обязывающим образом какого-либо личного участия. Достоевский вместе с Инквизитором исповедуют именно деятельное сострадание и именно в нем видят они выход из нетерпимого, по их мнению, существующего положения в человеческом обществе.

Общий у Достоевского с Инквизитором также и мотив, побуждающий их обоих к исповедуемому ими состраданию. Это жалость к озабоченным удовлетворением своих плотских потребностей людям – мирской аналог христианской любви. Любовь к Господу обнаруживает себя в исполнении Его заповедей; жалость к людям – в означенном деятельном сострадании, как оно понимается Достоевским и Инквизитором. В обоих случаях результатом являются добрые дела. Отличие в том, что в случае Достоевского, равно и его Инквизитора, они имеют своим адресатом не Бога, а человека, причем, обязательно еще и в отрыве от Бога, вне всякой связи с исполнением Его заповедей. Поводом к такой жалости становится, как правило, негативная оценка чего-то происходящего, так сказать, на глазах, без какого-либо отчета в подлинных причинах события – этих самых фактов, кроме которых Иван, как было сказано, ничего не желает знать. Библии такого рода жалость неведома. Неведома до такой степени, что она у нас и не возникает при ее чтении, при всем ужасе (вопреки всему ужасу) описываемых в ней событий.

И все же, все же... Достоевский все еще не Инквизитор, при том, что все то, что до сих пор говорилось о нем, присутствует и в Легенде. Но здесь присутствует и другое, чего, как будто, нет у нашего автора и быть не может. Это, конечно, аутодафе, с чего, собственно, и начинается Легенда и без чего программа Инквизитора не способна обойтись в принципе. Совместимо ли аутодафе с тезисом Достоевского о слезе ребенка, этим краеугольным камнем провозглашаемой им новой этики? Первое впечатление – безоговорочное нет. На этом настаивает и сам писатель. Во всяком случае, в его записной тетради за 1880–81 годы можно прочесть следующее: «Инквизитор уже тем одним безнравственен, что в сердце его, в совести его могла ужиться идея о необходимости сжигать людей». Налицо одновременно и осуждение, и отмежевание. Надо понимать, автору названной максимы такое просто не могло прийти в голову. Но не будем спешить.

В этой последней связи принципиальный интерес представляет занятая им позиция в Балканском конфликте. Так что же, испугаться и отступить? Нет, призывал Достоевский, война войне – рознь: освободительная война, если нет другого пути к освобождению, не зло. Но ведь как ее ни назови, война остается войной, то есть, необходимо предполагает жертвы, причем, еще и многочисленные, в том числе – и среди детей. О слезах уже не приходится говорить. А тогда почему все-таки открыто высказывая и отстаивая приведенные отдельные тезисы в одном случае, Достоевский не менее рьяно отмежевывается от них в другом? Причина, можно сказать, лежит на поверхности – это очевидная непопулярность в современном ему обществе исповедуемой им в его Легенде и проповедуемой посредством этой Легенды идеологии.

Такова уж природа плотского человека, что во враждебной среде он, обычно, воздерживается от высказываний по принципиальным вопросам своего мировоззрения – известное, в том числе и из современной социопсихологии, явление, которое, собственно, и обнаруживает в обсуждаемом здесь его поведении Достоевский. Он, кстати, и сам признает за собой такой грех. Любопытное в этом отношении свидетельство оставил нам А. С. Суворин. Как-то он зашел к Федору Михайловичу по своим делам и впечатление от этой встречи записал потом в своем дневнике. Разговор зашел у них о политических преступлениях вообще, и о взрыве в Зимнем дворце в особенности. Достоевский остановился на странном отношении общества к этим преступлениям. Общество как будто сочувствовало им. А вот отношение к этому самому Достоевского:

– Представьте себе, – говорит он, – что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который претворяется, что смотрит. Он чаго-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину». Мы это слышим... Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?

– Нет, не пошел бы...

– И я бы не пошел. Почему? Ведь это... преступление... Я бы написал об этом. Я бы мог сказать много хорошего и скверного для общества и правительства, а этого нельзя. У нас о самом важном нельзя говорить.

И это говорит человек откровенно промонархических настроений, до обожания, по его же собственному признанию, любящий своего государя – идея также достаточно малопопулярная в современном ему обществе. Попробуйте, однако, сказать сегодня всю правду, не таясь и не обходя проклятых вопросов, – «съедят или сочтут за изменника», пишет он одному из знакомых. И вот, приходится таиться равно и от современной ему образованной части общества, чтобы не сочли за изменника, и от народа, которому просто не следует по известным причинам знать правду. То же и с Легендой: нет, это не я, это не обо мне и пока даже не о вас. Севилья... XVI век...

В нескольких словах о недоумении, которое может возникнуть у читателя по поводу стыкуемости содержания Легенды с тем, о чем речь шла в предваряющем ее диалоге. Напомню, основное внимание в этом диалоге было сосредоточено на страданиях детей. О страданиях взрослых Достоевский здесь отказывается говорить, как он это аргументирует: «Те яблоко съели и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял», «Но деточки ничего не съели и пока ни в чем не виноваты». Соответственно формулируется здесь и основной принцип его мировоззрения: «Нельзя страдать неповинному за другого, да еще такому неповинному!» И еще в такой, более эмоциональной форме: «Для чего познавать это чертово добро и зло, когда оно столько стоит?» «Если все должны страдать, чтобы страданием купить веч-

ную гармонию, то при чем тут дети?» «Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка!» В самой Легенде, однако, о детях, можно сказать, не говорится вовсе. Объектом же подлинного внимания и заботы автора становятся здесь, вопреки ожиданиям, те самые взрослые, о которых ранее было сказано: «ну и черт с ними». Попробуем разобраться.

Первое, на что следует обратить внимание такому читателю: что в диалоге мы имеем дело пока всего лишь с констатацией существования проблемы. Или, скажем так, с ее постановкой. В Легенде же Достоевский предлагает еще и ее решение. А в таком случае естественно говорить в ней именно о взрослых, об отцах, поскольку, согласно Писаниям, именно за их преступления наказанными оказываются их дети. Достоевский, что называется, зрит в корень. Далее, будучи реалистом, он, безусловно, отдает себе отчет в бессмысленности упования на поголовное обращение этих отцов к праведной жизни в Боге, и, стало быть, единственное остающееся все еще решение вопроса – освобождение их от ответственности перед Создателем за совершаемые ими преступления Его заповедей. Понятно, что в таком случае не будут наказываемы за их преступления и их дети.

Но если Бог возложил на отцов такую ответственность, кто и как может ее с них сложить? Достоевский утверждает, что такое все-таки возможно и не просто возможно, но еще и в наших человеческих силах. Необходимо только соответствующим образом реформировать жизнь этих самых отцов, вообще взрослых людей в нашем человеческом общежитии. Программа этой реформы и составляет содержание обсуждаемой здесь Легенды. Теперь, по крайней мере, должно быть понятно, почему, в отличие от предваряющего ее диалога, действующими лицами самой Легенды являются исключительно люди взрослые и решаются в ней, как будто, тоже исключительно их проблемы.

Но ближе к делу. Каков все-таки реальный механизм освобождения отцов от ответственности перед Господом за совершаемые ими преступления, если, конечно, такое вообще возможно? Начну с того, что, будучи верующим, Достоевский не мог не считаться с существованием такой ответственности, поскольку и если она предусмотрена Библией. Положение, вместе с тем, не представляется ему безвыходным. Понятно, конечно, что просто так сложить с них эту ответственность никому не дано. Но ведь можно ее и перераспределить – а вот это последнее Библии уже непротиворечит. Частный такой случай – история жертвоприношения Христа, где Невинный берет на Себя «все грехи мира» и тем самым прижизненные (адресуемые младенцам) и посмертные (адресуемые самим преступникам) полагающиеся за них страдания. Таким образом оказываются разрешимыми в принципе все беспокоящие нашего автора проблемы. Однако, как выше уже говорилось, этот вариант выхода из положения его категорически не устраивает: слишком уж немногие способны (вариант: согласны) воспользоваться открывающимися тут возможностями. А потому, если обратиться от теории к самой жизни, ничего, по существу, на земле не меняется. Отцы с неослабевающим аппетитом продолжают уплетать любимые ими

яблоки, соответственно, не иссякают и детские слезы.

Означенная ответственность, однако, может быть перераспределена и по-другому: не от виновных к Безгрешному, а между самими любителями яблок. Имеется в виду: от большей их части – к меньшей, от одних виновных – к другим, становящимся в результате еще более виновными. Такая возможность и на самом деле, если не сказать предусмотрена Библией, то, по крайней мере, прямо ей не противоречит. Ее-то Достоевский и предлагает положить в основу насущных, по его мнению, общественных преобразований. Далее уже просто. Надо только припомнить, что по Небесному Закону неведение приравнивается к невинности (именно невинности, а не невиновности, это не одно и то же). А стало быть, достаточно прекратить доступ к человеку Его слова.

Кто это должен сделать, думаю, понятно: те самые образованные и чиновные, которых в предваряющем диалоге автор пытается поставить на свою точку. Спросите как? Об этом следует справиться в самой Библии. Вот искомый стих из напутствия Иисуса Своим ученикам: «Остарейтесь же людей, ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас.» (От Матф., 10:17). Цель репрессий в данном случае та же: перекрыть доступ к людям Его Нового Откровения. Стало быть, не нужно ничего и придумывать. Разве что бить надо теперь уже обязательно до смерти и обязательно всех – всех тех, кто способен донести до кого бы то ни было хотя бы крупицу Его истины.

В результате взрослые станут столь же невинны, как дети, притом, что преступления будут продолжать совершаться. Однако на сей раз уже не будет основания для вменения им вины, ибо не ведают, что творят. Нет, стало быть, основания и для должного следовать из этого наказания не только посмертного, т. е. их самих, но и прижизненного – их детей, детей этих детей и т. д. за грехи их родителей. Притом, что преступления, повторю еще раз, продолжают совершаться, о чем также говорится в Легенде. Вот она – искомая Достоевским гармония. Как он сам говорит об этом устами Инквизитора: «Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое и за гробом обрящут лишь смерть». Что, по минимуму, и требовалось. Но для этого, как уже было сказано, надо преградить путь Его слова к людям. И потому горят костры, о чем Достоевский сообщает уже в самом начале Легенды.

И все-таки. Существует ведь еще и Божественное Домостроительство, на котором подобная трансформация отношений в обществе не может не сказаться, причем еще и самым недвусмысленным образом. Ибо заповеди Божии даны человеку в первую очередь в связи и в обеспечение беспрепятственности именно этого – Его Домостроительства. А потому мало не понести наказания за преступление той или другой из них, надо при всем том суметь не воспрепятствовать осуществлению еще и названной Его цели. Недаром сказано: «Все сделал Господь ради Себя.» (Притчи, 16:4); «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый

и Последний.» (Откровение, 22:13). И это тоже Его заповеди. А вот с их исполнением у Достоевского отнюдь уже не все так благополучно. Но и в самом деле, одним из последствий осуществления его планов станет то, что слово Отца перестанет доходить в том числе и до возможных последователей Иисуса. В результате сократится приток оправданных в Его Церковь. Тем самым отложится и ожидаемое Его второе пришествие. «Не приходи вовсе» – в этом контексте обретает характер угрозы уже вполне осязаемой.

Короче, хочет того Достоевский или нет, осознает или нет, Легенда его – еще один вопрос, что называется, ребром, теперь уже перед Самим Господом, я имею в виду уже Отца: или – или. Или Твой Сын со Своими тысячами и Его Царством, или я со своими тысячами миллионов и тоже царством, но теперь уже моим. Таким образом оспаривается предусмотренная прежде всех веков прерогатива Сына и его избранных на Царство. Кроме того, имеет место здесь еще и очевидная претензия оспорить прерогативу Самого Отца определить срок второго пришествия Сына, о котором, как сказано, никто более знать не может, включая самого Иисуса (см. От Матф., 24:36). В свете всего сказанного, куда логичнее смотрится другая концовка этой Легенды (поцелуй, очевидно, надо оставить на совести автора), что-то вроде: «И пролил Господь серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастания земли.» (см. Бытие, 19:24-25). Заслуженное, безусловно, в данном контексте проявление Божьего гнева в еще одной, не упоминавшейся ранее его ипостаси: предупреждения потомкам от повторения чего-то подобного до скончания дней.

И последнее. Как все-таки быть с заявлениями нашего автора, по видимости совершенно однозначными, подобными следующим (из его записной книжки): «Нравственный образец и идеал есть у меня – Христос. Спрашиваю: сжег ли бы Он еретиков, – нет. Ну так значит сжигание еретиков есть поступок безнравственный.» «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна – Христос.» «Христос ошибался – доказано! Это жгучее чувство говорит: лучше я останусь с ошибкой, со Христом, чем с вами.»

Имеется в виду в данном случае, как нам быть уже с самим Достоевским, как относиться к нему самому в связи, с одной стороны, вот такими и подобными им его заявлениями, а с другой – и со всем тем, о чем говорилось выше? А только так, как после всего сказанного и можно к нему относиться. Именно, подобные его заявления возвращают нас к отмечаемой критикой диалогичности его произведений, которую в отношении собственных убеждений автора более уместно было бы назвать двуличием. Но это на людях. От Самого же Христа у Достоевского нет тайн. Против Него он идет, что называется, с открытым забралом.

26.10.2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	1
Глава I	5
Глава II	17
Глава III	28
Приложение	
«ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	43